

20 коп.
Индекс
71121

Юный
10
1965
Натуралист

ОТГОВОРИЛА РОЩА ЗОЛОТАЯ

Пожалуй, нет на земле другой такой страны, где в один и тот же день может быть столько времен года. Только у нас можно наблюдать, как время идет по земле.

В Москве сегодня ненастье, каждый день все ждут холодов, осень в разгаре. А в Арктике, в краю вечных льдов, зима давно уже вступила в свои права. Злобно трясет седой бородой пурга, беснуется на бескрайних просторах тундры свирепый полярный ветер. И море давно уже сковано льдом. Бесшумными, молчаливыми часовыми полярных просторов застыли ледяные торосы.

И даже трудно поверить, что в этот же самый день на юге нашей страны, в солнечном Сухуми, ласково плещет о берег волна, и загорелые до черноты люди купаются в теплом синем море. На приморских бульварах зеленеют пальмы и магнолии, прогретый воздух дышит ароматом цветов.

В далекой тайге охотники выходят сегодня по первому снегу на промысел, а на юге Украины, в бесарабских и молдавских степях осень только начинается.

Вот мы и пропутешествовали с тобой, друг мой, в один день по всем временам года, проследили, как идет время по нашей земле. И в этом снова и снова открывается необозримость, бескрайность просторов нашей великой Родины.

Но сейчас поведем мы речь лишь о приметах и красках осенней природы. Ведь каждая пора, как и каждый край, имеет свое лицо. Вот о нем-то и хочется рассказать.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Чарующе прекрасна, грустно томительна наша русская осень. Но почему, собственно, называем мы осень грустной, так ли это? Оглянись-ка вокруг, ведь если приглядеться, лес нынче даже прекрасней, чем летом. Недавно еще шумел он зеленой листвою и был весь пушистый. Но однотонный — одна зелень кругом.

А теперь посмотри, вот дерево вытянуло корявые свои руки вслед за солнцем, словно хочет задержать его. А вокруг пламенно-красные осины, светло-желтые березки, темно-бурый палый лист. И в редких просветах зеленеет еще лист на дубах. Вот она — сложная и прекрасная палитра осени.

И снова гляжу я на родную березку в золотом кокошнике. Она и сейчас, в старости своей, повторяющейся ежегодно, нарядна и нежна. И легка, безмятежна ее осенняя прелесть.

Не могу насмотреться на лес в золотом уборе. А память уносит сердце к ушедшим дням зной-

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

ного лета. Вспоминаешь — и сам не веришь себе: неужто так недавно шелестели кругом буйные травы, звенел жаворонок свою песню? Да, так было еще вчера.

Находишься за день по полям да по лесу. Кажется, устал от тишины. А вечером начинаешь вдруг в закрытом доме слышать золотой звон полей и затаенную песню леса. Слышишь стрекотанье кузнечика, потрескивание прозрачных и жестких крыльев стрекозы, различаешь шепот трав, и сонное бормотание ручья слышится, точно старинная русская речь — напевка.

Отчего это, думаешь? Это память сердца, друг мой. Оно сохранило для тебя все самое прекрасное, чего не замечал ты в своих блужданиях по полю да по лесу. И долго еще будет звенеть тебе эта песенка живой природы. Сумей только сберечь ее, запомнить, оставить в сердце своем...

ЖИЗНЬ ЛЕСА

Стоит на дворе осень — большая, серо-желтая. В несусветной вышине идут грачиные стаи. По вечерам видятся они в сумраке, как темное облако. Встает лес на горизонте бурой зубчатой стеной. Помню, как весной зеленела весело первая трава на его солнечных опушках. Была она как светлая, нарядная обновка земли. А потом выходит из почеч лист, и тогда сразу стало в лесу темнее и теснее. А вскоре образовали листья сверху сплошной полог, и тогда в чаще и неба не увидишь.

А под пологом своя маленькая, неприметная жизнь. Но именно она дает лесу движение. Да, да, лес непрерывно идет по земле. В одном месте он уступает разумной силе человека и отходит, чтобы дать место новым полям пшеницы, новым заводам и целым городам. А в других местах с помощью все той же ласковой и разумной силы человеческих рук наступает он на болота и пустоши. И нет такой силы, которая могла бы сдержать это движение. Корни связывают землю, высасывают лишнюю влагу из почвы. И болото съезживается, отступает трусливо. Как же это происходит?

А ты приглядишься повнимательнее и увидишь тогда, что отдельные деревья поднимаются над стеной леса. Вот ведь сосна, например, всю свою жизнь тратит на движение вверх, к солнцу. Понятное дело, дереву, которое выбилось вверх, труднее бороться с непогодой, труднее выстоять против бури. Береги эти деревья. Они первые в наступлении. Это лесной форпост. Ветер подхватывает их семена и разносит далеко вокруг. Так рождается новый лес, так идет он вперед.

Нынче осенью лес пожелтел, но лист еще не падает. И на зорьке вышла на опушку березка — вся в золоте. И за ней, как ребяташки, другие березки высыпали, поменьше ростом. Раньше-то лес их прикрывал, а теперь листва поредела, и в лесу стало просторнее и виднее.

Пройдет неделя, другая, подует ветерок — и вот уже закружился над землей золотой, красный, бурый хоровод. Это листопад. Кажется, будто совсем неожиданно, вдруг начался он. Но полно, так ли? Он долго копился в природе, этот листопад, только ты не замечал этого. Глядя, как кружатся по ветру листья, думаю: а не так ли к человеку осень приходит? Кажется, вчера еще шумела над головой беззаботная юность, а тут неожиданно на висках седина. И тогда только спохватишься — ах, как не

умел беречь время, как много растерял зря, как много не успел!

Прислушайся, мой друг, прислушайся, как шумит по земле листопад. Лес на будущий год снова станет молодым, а человеку этого не дано. Прислушайся, друг мой, и ты услышишь, как скажет тебе осенний лес мудрое и сильное слово: береги свое время смолоду. Береги его для добрых и больших дел.

Рис. В. Симонова

КТО С НАМИ ОСТАЕТСЯ!

Сходят с пеньков тонконогие опята — первая примета осени. От времени и непогоды гриб стал трухлявым и дряблым. Давно уж и лебеди пролетели — все в песне. Теперь они далеко от наших мест. Остались с нами немногие птицы. На днях встретился с корольком. Крохотную эту пичугу летом мы и не замечаем. Только когда опустеет лес, случается его увидеть. Размером он не больше крупного жука; а весит всего десять граммов. Узнать королька нетрудно — перышки у него с изумрудным отливом, похожие на цветной перламутр. А на голове крошечный желтый хохолок. Кажется, будто одета на пичугу корона.

Но не только королек остается с нами допоздна, до самой зимы. В тайге вовсю трудится кедровка. Около ее гнезда горки вышелушенных шишек. Однажды я обнаружил, что несколько орешков кедровка забыла взять. Подумалось: ишь, как неаккуратно работает! Но потом оказалось, что зря кедровку обидел. Все оставшиеся орешки на проверку оказались пустыми, без ядрышек.

Долго пришлось наблюдать за птицей, чтобы понять, как она узнает, какие орехи пустые, а какие полные. Оказывается, прежде чем взять орех, кедровка легонько стучает по нему клювом и по звуку определяет, пустой он или нет. И уж только вторым, сильным ударом кедровка вышелушивает его. Вот

и получается у нее, будто кузнец работает. Легким постуком показывает он молотобойцу, куда ударить. И только после этого следует тяжкий удар большого молота. «Тук-бам, тук-бам, тук-бам!..» В холодном воздухе далеко слышен этот перестук, слышно, как кедровка работает.

Время, когда кедровка кончает делать свои зимние запасы, тоже говорит о том, что вот-вот завернут холода. Деревья к той поре совсем оголились. Только на дубах лист еще держится. От заморозков стал он ломким и таким жестким да твердым, что, кажется, тронь его рукой — и он зазвенит. И чудится мне, что полнится воздух тонким, как паутина, золотым звоном уходящей осени. А может, это и не листья вовсе, а само время звенит тихонько, говоря осени, как в старой сказке о Золушке: «Прощайте! Ваше время истекло!»

ОСЕНЬ — ВПЕРЕД

Страшно надоели всем бесконечные дожди и слякоть, холод и туманы. Пришло, видно, время подумать о зиме. Ребятишки уже осматривают салазки, прилаживают коньки и лыжи.

И природа тоже подготовилась к приходу холодов. Побуревшие травы прикрыли землю, потухли яркие глаза озер, и безрадостно смотрится в них хмурое серое небо. Кончат линять заяц. Он меняет свою серую летнюю шерстку на пушистую белоснежную шубу. Теперь настали для него страшные дни. В поле черно, в лесу голо — везде беляк выделяется резким пятном. Как быть, как спастись?

Чаще всего лежит заяц целыми днями, затаившись. Даже голод не может выгнать его из убежища. Сколько длинноухих трусишек гибнет в это время от ружей охотников, от острых зубов лисицы и волка, от когтей совы!

Готовятся к зиме и птицы, остающиеся в наших краях. У боровой дичи появился между большими перьями обильный подпушек. Он хранит глухаря и тетерева от морозов. Поутру хорошо слышно, как сильно бормочет о чем-то глухарь. Последние месяцы птица жировала, набиралась сил на зиму. Хватало и клюквы на болотах, и брусники, и рябины. Но на рассвете, чуть только зорька дрогнет бровкой, слетает косач на землю. Целые тетеревиные стаи пасутся на каменных осыпях да на галечниках, потихоньку склевывают мелкие камешки. Но как только поднимется солнце, снова уходят птицы на деревья. Знаешь ли, зачем клюют птицы камни? Наглотаются их тетерев, и они помогают ему перетирать жесткую осеннюю пищу. За день тетерев может склевать до ста граммов таких мелких камешков.

Случается, в середине дня подует вдруг злой, порывистый ветер, собьет в кучу лохматые облака. Побегут по озеру волны с шапками седой пены, и трава стремительно вытянется вслед за ветром. Клонятся вперед, точно хотят убежать от зимы, ветви деревьев, бурой метелью поднимается с земли опавший лист.

И я это по-своему так понимаю, что вот все в природе торопится к зиме — и волна на озерах и рваные серые облака. А трава пожухлая тоже торопится куда-то. Совсем растелилась она под ветром по земле и все шепчет тихонько: «Ну, бегите же, волны, бегите вперед! Торопись, ветер, неси зиму на своих крыльях». Все шепчут и шепчут свою тихую просьбу побуревшие травы и прибрежный камыш. Всех провожают они, а самим им не дано убежать от зимы.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

Осень, осень багряная.. Убегает вдаль поле, расцвело красными ковриками клюквы порыжевшее старое болото. Возле озера тихо шелестит под ветром высокая прибрежная трава, сгибаясь в низком поклоне.

Тоскливо кричат в небе журавли. Высоко идет отставший от стаи белый красавец лебедь, трубит в свой гулкий серебряный рог.

И я говорю ему печально, что вот еще один год прошел безвозвратно:

— Прощай, прощай, лебедь белый!

Но тут солнышко, верный мой друг, из-за тучи выглянуло и сказало:

«Ну, полно тебе, полно... Зачем так печалиться? Почему «прощай?»»

И тогда я уже веселее говорю:

— До свиданья, осень, до свиданья! До новых встреч!

Анатолий ЧЛЕНОВ

ДОРОГА В БИРЮЧКУ

Клава немного поерзала и удобно устроилась на мягкой подушке сиденья. Рядом с высоким шофером девочка почувствовала себя совсем маленькой и беззащитной. Решила подложить портфель, чтобы удобно было смотреть. Радостно улыбнулась своей находчивости.

Шофер вставил блестящий ключ. Повернул его, а ногой нажал на маленький рычажок. Мотор недовольно загудел на одной ноте. Молодой парень сдвинул еще какой-то рычажок, и впереди машины вспыхнули фары.

— Чему радуешься? — спросил шофер.

— Интересно. Сколько машин ждали разрешения Мишки!

— В туман далеко не уедешь! — Шофер выжал педаль. Машина плавно тронулась с места. Колеса мягко прошуршали по асфальту.

— Вы — Коршунов?

— Точно. Как узнала?

— По фотографии. На Доске почета рассмотрела.

— Вот как, — сказал шофер.

Клава быстро согрелась в машине. Дорога петляла вдоль реки. Туман заметно поредел, но все равно Коршунов осторожно вел тяжелую машину. На поворотах обязательно сигналил.

— Скажите, а выдра может загрызть форель? — спросила Клава.

— Форель? Конечно. Выдра и на лососей нападает. Рыбоводы давно с ней воюют!

Владимир СТЕПАНЕНКО

ОМАРИ С ГОРНОЙ РЕЧКИ

— А белки здесь есть?

— Хватает.

— Кукурузу они грызут?

— Еще как! Я сам не раз гонял.

— Хорошо вам, вы все знаете.

А шакалы днем бегают?

— Днем? Не видел. Ночью воют.

Клава живо припомнила драку Пирата с серым зверем. Услышала лязг зубов. Хорошо здесь, в кабине: тепло и совсем не страшно.

Дорога медленно стала подниматься в гору. Туман еще больше поредел и рваными облачками полз по кустам. Сосны успели на солнце нагреться и духовито пахли смолой. Толстые корни деревьев, как змеи, переплетали камни.

За крутым поворотом девочка увидела знакомое стадо. Черный козел по-прежнему важно шагал впереди. Артиллерийская гильза глухо гудела: «Бум-бом, бум-бом!»

Продолжение. Начало в № 9.

Водитель придал плоскую пуговку на руле. Раздался низкий гудок сигнала. Но Мишка продолжал идти все так же невозмутимо.

— Хулиганит Мишка! — сказал Коршунов.

— Можно попробовать?

— Жми!

Клава прыгнула с портфеля и потянулась к рулю. Изо всех сил надавила ладонью на черную пуговку. «Гу-гу-гу! — отрывисто рывкнул сигнал. — Гу-гу-гу!..»

Коршунов заглушил мотор. Теперь его голос зазвучал громко.

— Хулиганит Мишка. Подождем, когда он сойдет. Будем сигналить — ни за что не уступит дорогу! Будет характер показывать.

Черный козел с достоинством провел стадо по дороге и первый полез на скалу к зеленым кустарникам кизила. Шофер повернул блестящий ключ, и мотор заревел.

Скоро туман разошелся. На траве и на листьях деревьев остались висеть сверкающие белые паутинки.

— Далеко вы едете?

— В Бирючку. Была там? Приезжай за каштанами.

— Спасибо. А вы любите свою специальность?

— Как тебе сказать?.. Люблю.

— А рыбоводом интересно быть?

— Очень. Ты у Омари спроси. Любит он рыбу... Лососей разводит.

Клава не заметила, как шофер прибавил скорость. Замелькали в окне дорога, столбы ограждения. А с другой стороны летела бесконечно длинная стена скалы. Деревья и кустарники то сбегали вниз к дороге, то стремительно карабкались вверх.

— Не укачало? — Шофер улыбнулся.

— Нет. Я люблю кататься.

Коршунов налег на руль. За поворотом начался крутой подъем. Черная речка осталась внизу. Сверху выглядела узким ручейком.

— Рыбозавод.

— Знаю, — кивнула девочка.

— Форель разводят и лососей. Начнется скоро у них запарка.

— Почему?

— Лососи должны идти метать икру.

— Вы видели лососей?

— Да. Но больше всего я видел браконьеров. Ты о шакалах спрашивала. Их не бойся. Шакалы на людей не нападают. А браконьеры хуже зверей. Ты Омари спроси. Он много тебе расскажет. В прошлом году ребята со школы приходили помогать Омари.

— Что делали?

— Сортировали лососевую икру.

— А нас позовут?

— Омари всегда рад помощникам. Наверное, позовет.

Впереди показалась красная крыша двухэтажного дома школы. Около кювета стоял дорожный знак. На желтом треугольнике были нарисованы мальчик и девочка. Они предупреждали шоферов: «Осторожно. Будьте внимательны. Сбавьте скорость. Впереди школа!»

— Я не спросил, как тебя зовут?

— Клава Сугрובה.

— Сугробов — твой отец?

— Да.

— Бухгалтером у нас в леспромхозе работает. Знаю я его. Хромает. На войне ранило?

— На войне.

— Ты, Клава, приезжай к нам в Бирючку. Каштанов наберешь. Страсть сколько уродилось в нынешнем году!

— Спасибо, обязательно приеду.

В КЛАССЕ ПРОГУЛЬЩИКИ

Клава тоскливо посмотрела на пустынную дорогу. Гляди не гляди, а не видно лесовоза с Вовкой Бритиковым. Налетит ветерок, и начинают шептаться листья деревьев. Но не слышно ни гула мотора МАЗа, ни его пронзительных гудков. Неужели что-нибудь стряслось с машиной?

Девочка еще раз оглянулась и, прихрамывая, пошла в школу. Боится она опоздать на урок. Ни разу она не опоздала! Издали заметила, толкаются перед входными дверями ребята, и успокоилась. Перевязала ленту на косе, выше подтянула порванный чулок. Тут же на дорожке несколько раз подряд повторила слово «браконьер», «браконьер».

— Бра-ко-ньер! — произнесла раздельно по слогам и прислушалась. — Бра-ко-ньер!

Учительница объясняла, как надо находить корень в трудных словах. Что это за слово? Не понять. А спросить не у кого: Вовка Бритиков еще не появился, а Коршунов укатил в Бирючку. Пока не нагрузят на прицеп толстые буквые кражи, он не вернется. Кто такой браконьер? Какой здесь корень? Кому бра-ко-ньер делает брак?

Громко раздался школьный звонок. Девочка проковыляла по коридору, вошла в класс и плюхнулась на свое место. С трудом отдышалась, достала пенал, ручку, карандаш и резинку. Потом извлекла учебник, аккуратно обернутый в красную бумагу.

Впереди темнели затылки мальчиков, торчали тугие косички девочек. Нет, ни за что на свете Клава не посмотрит в сторону Феде! Сколько ей сегодня пришлось из-за него натерпеться страха. Как ему не стыдно бросить ее одну на дороге в тумане! Ее очень напугал коротконогий серый зверь. Счастье, что рядом оказался Пират и спас ее. Не ожидала она, что Федя такой. У нее тоже есть гордость, не посмотрит она на него. Лучше узнать, не пришел ли Вовка Бритиков.

Повернулась Клава направо. В первом ряду на второй парте сидит Костя Ручейков. А Вовки нет. Костя уже разложил учебники и тетради. Уставился на дверь и ждет Марию Ивановну. А куда запропастился Бритиков? Не случилось ли с машиной аварии?

Испуганная девочка посмотрела назад. На последней парте в среднем ряду, где обычно сидит Федя Кисляков, пустая лавка. Федя тоже не пришел! А с ним что стряслось?

Не заметила Клава, как в классе стих шум. Не заметила, как к столу прошла молодая учительница. Мария Ивановна положила классный журнал и неторопливо осмотрела учеников.

— Кто у нас сегодня дежурный? — Она обмакнула ручку в чернила и приготовилась писать. — В тумане никто не заблудился? Давно у нас не было такого тумана.

«Наверное, Мария Ивановна знает, что случилось с Федей, — подумала со страхом Клава. — Знает и молчит. А вдруг он упал в воду? Течение в Черной речке сильное. Завертело и потащило вниз!»

— Кто дежурный? — Учительница чуть повысила голос.

— Сугрובה, ты дежурная! — Клава почувствовала толчок в спину соседа по парте Славы Замошкина. — Ты дежурная. Скажи скорей Марии Ивановне.

— Я дежурная! — Клава встала.

— Почему доска грязная и нет мела? Двойку придется тебе поставить, Сугрובה, за такое дежурство. Кто сегодня не пришел в школу?

Клава еще раз осмотрела класс. Нет Вовки Бритикова, пустоет место Феде Кислякова. Трудно что-нибудь понять дежурной. С Федей встретилась на дороге и вместе должна была идти в школу, а с Вовкой Бритиковым в одно время заняли кабины лесовозов. Но куда делись мальчики? Может быть, они сговорились между собой?

— Не пришли Федя Кисляков и Вова Бритиков.

— Кто знает, что с ними? Они заболели? — Мария Ивановна вопросительно посмотрела на ребят.

Клава хотела сказать что с Федей они встретились у красной скалы на дороге, а Вова Бритиков при ней сидел в кабину лесовоза, но промолчала.

— Клава Сугрובה, ты часто ходишь в школу с Федей. После школы зайди к Кислякову. Узнай, что с ним. А к Вове Бритикову пусть ходит Женя Зайчиков.

— Мария Ивановна, Бритиков в моем звене! — Клава не узнала своего голоса. Она откашлялась. — Можно я схожу к Бритикову домой?

— Зайди. Вместе с Женей.

Учительница начала объяснять урок, и Клава старалась не пропустить ни одного слова. Но мысли ее неслись на Черную речку. Сначала она увидела выступ скалы около порожистого ручья. Потом каменную тропинку, речку, перекаты в пене брызг и темные ямы. По мокрым камням на правый берег перебегают Федя. Камни в зеленой слизи. А вдруг поскользнулся и упал? Его бьет о камни. Федя борется с течением, но не может сладить.

После звонка Клава стремительно выбежала в коридор. Забыла, что у нее болит коленка. Теперь можно не сдерживаться. Слезы покатились градинами по щекам. «Я виновата, я виновата! Что с Федей? — спрашивала сама у себя девочка и всхлипывала — Почему я смеялась? Почему не поверила ему? Он не думал меня обманывать».

Девочке показалось, что кто-то прошмыгнул под окном. Не раздумывая, она выбежала во двор. Пират неторопливо обнюхал дерево и разлегся на волейбольной площадке. Подогнул ногу и положил на нее голову. Уставился в окно, около которого всегда сидел Федя.

— Пират! — ласково позвала Клава собаку и вытерла рукой слезы. — Пиратка...

Пес повернул голову. Острые уши его задрожали, он приветливо застучал хвостом по земле.

— Иди сюда. — Клава подошла к лайке. Запустила пальцы в густую шерсть и принялась ласкать. — Пират, где Федя? Ты не видел его?

Девочке не удалось заглушить тревогу. Если бы Пират понимал ее слова, они бы вместе отправились искать Федею. Но Пират ничего не знает о своем хозяине. Прибежал на школьный двор, дожидается Федею, чтобы проводить домой.

Клава обняла собаку, притянула к себе ее лобастую голову и зашептала на ухо:

— Жди меня. Пиратка! Отнесу мел в класс и скоро вернусь. Мы пойдем с тобой искать Федею. Жди меня!

Шофер лесовоза перед школой притормозил машину. Огромный МАЗ стал сбавлять скорость.

— Дяденька, не останавливайтесь! — попросил Вовка Бритиков. — Я с вами поеду. Можно?

— Куда?

— В Бирючку.

— А в школу?

— Ангина у меня.

Шофер удивленно повернулся. У мальчика свежкольно-красные щеки и плутовские глаза. Растянул широко рот. Вот-вот заплачет.

— Домой тебе надо, а не в лес.

— Почему?

— Горишь... Температура поднялась... С температурой лежать надо.

— Погуляю — пройдет. — Вовка проглотил слюну. — Ангина не заразная... Не бойтесь... Я знаю.

— Решил прогуливать?

— Не верите?.. Посмотрите. — Вовка разинул рот. — Глотать больно... Зачем мне обманывать?

— И я думаю, зачем тебе меня обманывать? Себя обкрадываешь! — Шофер недовольно засопел, сосредоточенно уставился на дорогу.

Туман успел подняться и лоскутками висел на деревьях, как сохнувшее на веревке бельё.

— Воды я напился из родника. Горло и схватило. — Вовка пытался заговорить с пожилым шофером. — Учусь я хорошо... на «четыре» и «пять»!

— Слышишь, «четыре» и «пять»... Слышишь, выматывай! Прогульщика не повезу. Красный галстук позоришь. Снять бы галстук с тебя... Ловко ты меня обошел!.. С портфелем за каштанами собрался!

Запищали тормоза. Машина еще немного прокатилась с разбегу и стала.

— У меня ангина!..

Высокий МАЗ, гремя пустым танцующим прицепом, резко сорвался с места. За ним поплыло синеватое облако дыма.

Вовка сжал кулак и погрозил шоферу. Придирчиво со всех сторон осмотрел портфель. Он застегнут на два замка. Нет ни одной щели. Не видно серых мешков. Ловко он Сугробову надул!

Вовка вздохнул. Шофер каштаны пожалел, а потому и ссадил с машины. В Бирючке каштанов много, всем хватит. Не ленись, собирай в мешки. Натаскает он маме каштанов, купит она ему велосипед. Курортников у моря много — все раскупят!

Огляделся Вовка по сторонам. Придется около ущелья собирать каштаны. Можно лезть в гору, но много каштанов и по Черной речке. Долго Вовка вертел головой и считал деревья. Боялся не прогадать. Вышло, что больше всего стоит высоких великанов по берегу.

Мальчик начал осторожно спускаться по каменистому откосу, придумывая на ходу игру. Он лихой кавалерист. В руках у него острая сабля. После каждого удара падает неприятель. Размахнулся направо — срубил голову. Ударил налево — пересек пополам.

А может быть, ему лучше всего стать пограничником? Они сидят в секретях в глухих лесах и ловят шпионов. Знает он много способов, как обманывают шпионы. Привязывают к своим ногам лошадиные копыта. Но его им не провести. Он хорошо разбирается в следах. Ага, подковы лошади? Шпион шел. Тревога! Скорей в погоню! Седлайте коней! Была

бы у него овчарка, как у знаменитого пограничника Карацупы, — сразу бы пустил ее по следу. Но и без собаки его не обманут.

Но шпионы могут пуститься и на другую хитрость. Возьмут и вместо лошадиных подков подвяжут себе олени копыта. Или начнут перекликаться птичьими голосами. В книгах пишут, что шпионы чаще всего кричат селезнями. Но он знает много птичьих голосов. Его не проведешь. Сразу отличит манок от настоящей птицы.

За кустами река грозно грохочет. Видно, водопад внизу. Падает вода с высоты, и брызги разлетаются во все стороны. Сыростью напоен воздух. Согнулись ветви от тяжелых зеленых листьев.

Остановился Вовка. Место незнакомое. Надо как следует оглядеться.

Уходят в небо вершины стройных каштанов. Деревья толстые, в два обхвата. Под зеленым шатром листьев темно. Вовка задрал голову, принялся смотреть вверх.

Ветра нет, молчат говорливые листья. Изредка раздастся легкий треск, и сверху из расколотой плюсны летит к земле темно-коричневый кругляш.

— Наберу и здесь! — Вовка засмеялся. — «Четыре» и «пять».

Но торжествовал он рано. Скоро пришлось убедиться, что каштанов мало. На земле то и дело падаются следы диких свиней.

Мальчику стало страшно. Лес показался глухим и диким. Затрещала под ногой ветка, и он испугался еще больше. Показалось, что за кустами кормится стадо. Слышен тяжелый сап зверей. Огляделся по сторонам: куда лучше бежать?

На дерево села сорока. Маятником заплесал черный хвост с белым клином. Птица перегнулась и уставилась на мальчика сморозинными глазами.

«Стр-рр-стрр-ст-рр-рр!»

Схватил Вовка мешки, портфель и побежал. А сорока летит за ним и кричит на весь лес:

«Ст-рр-ст-рр!»

Мальчик выбежал на берег Черной речки. Водопад остался выше. На открытом месте не так страшно. Огромные серые валуны и острые камни кажутся знакомыми. Ровный шум бегущей воды успокоил его.

На берегу каштанов было мало, но Вовка боялся вернуться в глухой лес, к высоким деревьям, перевитым плетями лиан.

Мальчик работал старательно. Растопыренные пальцы рук, как грабли, прочесывали траву. Мешок начал наполняться темно-коричневыми каштанами с блестящей кожицей.

Вдруг странный шум на реке привлек его внимание. Вовка уставился в бурный поток. В светлой воде с белыми барашками пены ничего не видно. Река как река. На перекате поток воды бьет по камням и катит их перед собой. А за перекатом — глубина, кружатся воронки.

Никогда Вовка так долго еще не смотрел на реку. Успокоился. Ушли дикие свиньи. Мало ли отчего бывает шум! Надо скорей собирать каштаны.

Снова принялся ползать по мокрой траве. Надо стараться, чтобы мама купила велосипед. Каштаны попадались разные. Две дольки по краям толстые и круглые, а третья — тонкая, как папиросный листок бумаги. Средние дольки Вовке не нужны. «Товар должен быть хороший!» — твердо помнит он мамин наказ.

Послышался легкий стук. Вовка не утерпел и, пересилив свою боязнь, по камням спустился на берег.

Рис. Е. Медведева

Посмотрел на перекат. Между камнями вьются длинные водоросли, а в стороне что-то темнеет. Показалось, что на дне лежит упавшее дерево. Вовка пристально стал вглядываться в реку. От высокой скалы легла на воду тень, и половина реки, камни, бурлящий поток, водоросли сразу потемнели и стали черными.

В тени берега ничего не просматривалось. Мальчик посмотрел в светлую часть потока, куда не падала тень, и увидел ствол затонувшего дерева. Показалось, что он шевелится.

Подхватил Вовка мешок с каштанами и помчался к дороге. Где-то рядом раздался приглушенный крик вместе со стоном. От страха Вовка бросился в сторону, ломая на ходу кусты. ветки больно стегали его по лицу.

— Помогите! Помогите! Воды!..

Мальчику показалось, что он узнал гортанный голос старшего рыбоведа Омари.

«По-мо-ги-и-те-э-э!.. По-мо-ги-и-и-те-э-э!..» — отозвалось эхо в горах. Но Вовка не остановился и еще быстрее побежал к дороге.

СТАВРИДА И БАРАБУЛЬКА — РЫБЫ ЧЕРНОГО МОРЯ

Федя долго бежал вдоль берега Черной речки. По дороге то и дело попадались раскатившиеся валуны, порожистые ручьи и кучи хвороста. Преодолев очередной завал, мальчик остановился отдохнуть. Беспечно огляделся по сторонам, разыскивая старшего рыбоведа Омари, который рано утром вездесущ. Больного задыхающегося человека можно встретить на реке у прудов с форелью, на кормокухне.

Омари мог быть около завала. Но сколько мальчик ни смотрел, старшего рыбоведа там не было. Он только заметил упавшую сосну. Красный ствол дерева с широкими лапами зелени прыгал на перекате, и Федя побежал, сиротливо крича, напрягая голос:

— Ома-ри-и! Ау! Ома-ри-и! Ау!

Мальчик не заметил, как добежал до рыбозавода. Свернул с дороги — и вот уже справа красный кирпичный домик с шиферной крышей. Это контора. Рывком открыл дверь и оказался в кабинете старшего рыбоведа.

На столе пачка старых газет, чернильный прибор, ручка и карандаши. Как блин на сковороде, лежит белая войлочная шляпа Омари. Несказанно обрадовался мальчик знакомой шляпе: где-то рядом должен быть и сам хозяин.

Хлопнул дверью и вылетел в коридор. Напротив бухгалтерия. Женщины удивленно посмотрели на запыхавшегося мальчика.

— Тебе кого? — спросила девушка-счетовод.

— Омари.

— Не заходил.

Дальше по коридору кабинет директора. Перед порогом коврик. На дверях поблескивает стеклянная табличка. Сиротливо стоит большой письменный стол. Стулья сдвинуты в сторону. Пожилая женщина, уборщица, протирает мокрой тряпкой пол.

— Не видели Омари?

— Не встречала.

Вернулся Федя в кабинет и решил ждать старшего рыбоведа. Со стен смотрят на него плакаты и кривые диаграммы, как изломы сверкающих молний. На полках в стеклянных банках заспиртованы рыбы.

Чаще всего мальчик заставал Омари в кабинете в жаркий полдень. Окно плотно задернуто белой шторой. Омари сидит в расстегнутой рубашке, тяжело дышит. Хлопает толстыми губами и жадно глотает воздух, как рыба. Он привык к посещениям мальчика и не отрывается от работы. Федя не любит, когда старший рыбовод пишет отчеты или составляет рацион питания для форели. В такое время Омари не разговаривает. Он сидит, склонившись над столом, и что-то озабоченно шепчет. Задумывается и почесывает пером волосы. Волосы у него иссиня-черные, и потому на них не видно фиолетовых чернил.

...Другое дело, когда Омари свободен.

— Давай поплывем по Черному морю! — Он добродушно смеется. — Правда, сейчас бы хорошо нам с тобой выкупаться. Повалиться в песок!

— Пльвем! — охотно соглашается Федя. Он лезет на полку и снимает банки с первого ряда.

Омари высоко подымает банку. Широкая ладонь закрывает наклейку.

Феде хорошо видна рыба. У нее зеленоватая спин-

ка, остро удлинённый хищный рот. Около хвоста загнутые колючки шипов.

— Ставрида! — Федя радостно кричит на всю комнату.

— Поймал, клади в сетку!

Омари с удовольствием смеется правильному ответу. Его толстые щеки трясутся. На лбу блестят капельки пота.

Высоко поднята вторая банка. Мальчику хорошо видны клешни, круглый панцирь. Наверное, по таким панцирям ковали стальные доспехи. Рыцари надевали их перед боем. Закованный в доспехи воевал храбрый Айвенго!

— Краб.

— В сетку, разбойника.

Феде не терпится рассказать все, что он знает о крабах.

— Крабы есть каменные и травяные...

Игрой увлечены и Федя и Омари.

— Барабуля, звездочет, камбала, морской конек, зеленушка... — Мальчик торопливо называет одну породу рыб за другой.

Омари сидит, откинувшись на спинку стула. Глаза закрыты. Мальчику кажется, что Омари заснул, и он замолкает. А тот достает из кармана маленькую алюминиевую трубку, вытряхивает в глубокую ладонь таблетку. Положил под язык и зачмокал толстыми губами. Несколько раз глубоко вздыхает.

— Вот и легче стало. А дельфинов не забыл? — Он устало посмотрел на Федю. Постепенно глаза его потеплели. — Знаю тебя. Рыб больше любишь!

— Есть дельфин белочка. Есть дельфин афалин.

Омари, тяжело отдуваясь, подымается со стула и снимает банки со второго ряда полки.

— Давай купанемся в реке? Там и вода похолодней.

— Хорошо бы поплыть на плоту, — говорит Федя. — Я в кино видел, как плыли на плоту. Красота!

Широкая ладонь Омари закрыла всю наклейку на стеклянной банке. Федя вздыхает. Почему в Черной речке водятся одна форель и гольцы? Заходят перед нерестом лососи, но ловить их нельзя.

В банке вытянутое тело со сплюсненной головой. Пасть усеяна острыми загнутыми зубами. Рыба похожа на крокодила. Так бы и назвал он ее, если бы не боялся, что Омари засмеет.

— Забыл? — Глаза Омари смеются. — «Однажды лебедь, рак... да... с поклажей воз везти взялись».

— Шука! — радостно кричит Федя.

Банка уже с другой рыбой. У нее маленькая головка. А рыба сама круглая. Плавники широко раскинуты, словно весла лодки.

Федя мучительно трет лоб. Кажется, он начинает вспоминать. Широкие рыбы: лещ, линь, синец.

— Орфа.

— Сажай на кукан.

...Федя тоскливо посмотрел на полку. Жалко, что нет Омари. Можно было бы отправиться в путешествие по Черному морю или проплыть по Волге или по Днепру. В Сибири тоже много больших рыбных рек. Вот бы там побывать!

Внимание мальчика привлекли банки с мальками тихоокеанской горбуши. Омари говорил, что в Черную речку выпустили семьсот тысяч мальков. Они ушли в море. Там мальки вырастут, нагуляют жир, а метать икру они должны вернуться в Черную речку.

Федя знает, что Омари давно их ждет. Если горбуша пойдет с черноморским лососем метать икру, то на первой полке появится еще одна стеклянная банка. А в Черном море новая порода рыб — тихоокеанская горбуша!

Мальчик потянулся к полке и чуть не опрокинул банку с мальками. Такого еще не случалось с ним. Как он мог забыть, что в Черную речку начался заход лосося? Выдра будет охотиться на больших рыб. Надо скорей отыскать Омари и все ему рассказать.

Выбежал Федя из конторы. Пруды открылись спокойным блеском воды, синькой голубого неба и белых летящих облаков. Тихо журчит бегущая вода в канале. Тысячу раз бывал мальчик здесь. С закрытыми глазами может обойти все постройки и пруды.

В первом пруду мальки. Отдельно отсажены головки. Двумя рядами вытянулись пруды с товарной форелью. В больших водоемах, заросших вербами, содержится матки. Видел мальчик этих рыб: кажется, форель весит два, а то и три килограмма.

Около крайних прудов хлопочут рабочие. «Начали чистить пруды, — подумал Федя. — Готовят лососям». Плотники работают у канала, меняют деревянные лотки. Мужчины сачками ловят дафний для мальков. Но где же Омари?

Федя подошел к пруду. Из темной глубины бросились мальки, сверкая серебряными спинками. Застучали по воде маленькими ротиками. Федя опустил палец. Мальки набросились, щиплют, рвут кожу.

— Проголодались! Скоро будет вас кормить.

Не успела тень от мальчика упасть на второй пруд, как синие молнии зачертили в воздухе. Рыбины поминутно выпрыгивали из воды. Блестящей чешуей с красными пятнами сверкала красавица форель.

Послышался стреляющий треск мотора. Водитель грузового мотороллера в развевающемся синем халате дважды просигналил. Федя остановился. Мотороллер поравнялся с мальчиком и стал. В тележке горой лежит фарш селезенки. Это первый завтрак форели.

— Здравствуй, помощник! — Водитель мотороллера улыбнулся. — Пришел кормить?

— Здравствуй, Кирилл. — Федя не обиделся на прозвище. Вслед за Омари многие рабочие его называют «помощником». — Омари не видел? Я давно его ишу. В школу не пошел.

— Что стряслось?

— Выдра вернулась. В Черной речке форель загрызла. Я голову нашел.

— Давно не было. — Водитель поскреб пальцами кончующую щетину на щеке. — Скажи сторожам. А увижу Омари, передам.

Федя обошел все пруды. Поговорил с рабочими, которые чистили водоемы для лососей. Узнал, сколько наловили дафний для мальков, выяснил, зачем меняют деревянные лотки.

В дверях конторы, когда он вернулся после обхода, его чуть не сбили женщины. Впереди бежала испуганная блондинка из бухгалтерии, за ней — пожилая уборщица.

— Что случилось? — спросил Федя.

— Омари нашли! Дорожный мастер нашел! — крикнул кто-то на ходу. — Сердечный припадок!

Федя побежал. Он не сразу понял, что назвали его отца, дорожного мастера. Скоро мальчик обогнал женщин. За рабочей столовой дорога заплетяла по горе.

Мальчик подбежал к дому Омари вовремя. Около калитки стояла грузовая машина. Четыре человека вносили старшего рыбоведа в дом. Федя узнал отца и знакомого шофера. Он забежал вперед мужчин и широко распахнул калитку.

Молодая женщина, жена Омари, от страха оцепенела. Прижала руки к груди, с трудом сдерживая крик.

Дальше события разворачивались для Феди словно во сне. Он видел, как подъехала машина «Скорой помощи» с большим красным крестом. Из кабины вышел молодой врач в белом халате. В руках он нес деревянный чемоданчик с красным крестом. Запахло лекарствами.

Отец распахнул в доме окна. Грузовая машина уехала. Разошлись заплаканные женщины. К Феде подошел водитель мотороллера Кирилл. Скребя рукой заросшую щетиную щеку, сказал:

— Помощник, давай я тебя куда-нибудь подвезу. Хочешь, в школу доставлю?

Мальчик отрицательно покачал головой. Потом с Федей говорил отец. Рассказал, как он при обходе дороги нашел на берегу Черной речки Омари.

— Не бережет себя Омари. — Он достал из кармана завернутый в платок завтрак и отдал сыну. — Возьми, проголодаешься.

(Продолжение следует)

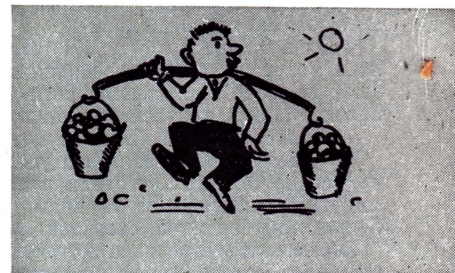
ДРУЗЬЯ „ЮНОГО НАТУРАЛИСТА“ — В АРТЕКЕ

Кто они? Речь идет о ребятах, которые не только любят и знают наш журнал, но и стараются, чтобы их одноклассники читали его. Во многих школах организованы выставки журнала, специальные корреспондентские посты, где ребята могут легко оформить подписку. Не случайно есть в стране школы, где на наш журнал подписывается каждый третий ученик. Вот они, эти школы, где ребята получили путевки в Артек:

Октябрьская восьмилетняя школа Липецкого района Липецкой области (5 путевок), Трубетчинская средняя школа Липецкого района Липецкой области (4 путевки), пионерский отряд 6-го класса Лудяно-Ясашинской школы Нолинского района Кировской области (2 путевки), Авдуловская восьмилетняя школа Данковского района Липецкой области (3 путевки), Ягодновская восьмилетняя школа Данковского района Липецкой области (3 путевки), пионерский отряд 8-го класса Машковской восьмилетней школы Новосибирской области (3 путевки), Терновская средняя школа Пензенской области (4 путевки), пионерский отряд 6-го класса «Б» Дороховской средней школы Можайского района Московской области (2 путевки), восьмилетняя школа поселка Мишуков Кольского района Мурманской области (2 путевки), школа № 22 станции Миасс-1 Челябинской области (2 путевки).

Мы надеемся, что таких замечательных ребят, истинных друзей журнала «Юный натуралист», в этом году станет больше.

Почва на Канарских островах сухая, каменистая. Осадков здесь выпадает немного и только в декабре — январе. Специальные танкеры доставляют на острова питьевую воду. Но, несмотря на такие жестокие условия, здесь пашут и сеют. Пашут с помощью дромадеров — одногорбых верблюдов. Сеют мак, табак, сажают картофель и получают неплохие урожаи. Интересно, как местные жители поливают посадки. Когда поле распахано и засеяно, его покрывают 10-сантиметровым слоем лапилли — пористых камешков (наподобие морской гальки, но очень мягких), представляющих собой застывшую вулканическую лаву. Лапилли собирают влагу из постоянно дующих на островах ветров и доставляют посевам достаточное количество воды.

Оказывается, семена гороха и некоторых других бобовых культур при длительном хранении в течение 10—12 лет полностью сохраняют пищевые и вкусовые качества!

Лет сорок назад в Австралии много писали и говорили о зловредном кактусе — опунции. Еще бы: одичавшее мексиканское растение «захватило» более 20 миллионов гектаров пастбищ, лугов и пашен. Чтобы изгнать опунцию, уничтожить ее колючие заросли, пришлось ввозить из Мексики специальных вредителей с очень капризным вкусом: эти вредители должны были есть только листья опунции и ни в коем случае не трогать австралийских растений.

Такими капризулями оказались гусеницы одной мексиканской бабочки. Ученые шутили, что «бабочки спасли Австралию».

А вот теперь наши ботаники намерены развести особую разновидность кактуса опунции в пу-

Фонтаны воды, которые посы-
лет вверх кит, вынырнув на по-
верхность, вовсе не состоят из
воды. Как только кит появляется

на поверхности, он выдыхает со-
гретый в его теле воздух, кото-
рый сгущается в водяной пар.

Окабаемс...

- ВОДУ ДАЕТ КАМЕНЬ
- ЛИСТЬЯ ЖИВУТ СТО ЛЕТ
- СОМЫ-ОБМАНЩИКИ
- УТОЧКИ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БОЧКЕ

Четырьмя глазами наделила
природа рыбку анаблесп. Оби-
тая у поверхности воды, она мо-

жет одновременно наблюдать за
тем, что происходит в воздухе и
в воде.

стынях Средней Азии, где не вы-
живают никакие другие растения.
Здесь опунция послужит пищей
для сельскохозяйственных живот-
ных и даже напоит их.

Но не начнется ли у нас
нашествие опунции на хлопковые
плантации и на другие культур-
ные земли?

Нет, успокаивают ученые. Дело
в том, что климат в Австралии
гораздо мягче, чем в наших пу-
стынях. В Средней Азии опунции
едва выживут, но все же разо-
вьются настолько, что помогут
животноводам.

Один немецкий ученый, изучая
животный мир Африканского по-
бережья, обнаружил морского
ежа. Каково же было его удив-
ление, когда «еж» вдруг распал-
ся, а каждая его игла оказа-
лась маленьким морским сомом.
Ученый продолжал наблюдение.
Вот показалась тень боль-
шой хищной рыбы, и ма-
ленькие сомы мгновенно об-
разовали большой клубок, го-
ловами внутрь, а заостренными
хвостиками наружу. Настоящий
морской еж, вооруженный ядо-
витыми иглами. В природе су-
ществует немало беззащитных
животных, которые по виду на-
поминают крупных, хорошо воо-
руженных хищников.

Посмотрите, каким красивым
букетом выглядит колония мор-
ских уточек — маленьких живот-
ных из отряда усонюгих ракооб-
разных. Когда море выкинуло на
берег старую бочку, на которой
вырос экзотический «букет», слег-
ка приоткрытые двустворчатые
ракушки животных казались ли-
сточками, отливающими на солн-
це перламутром.

Кем-то выброшенная бочка, ви-
димо, кочевала по морю очень
долго. Сперва к ней прикрепи-
лась одна, потом другая морская
уточка, а через несколько меся-
цев их стали сотни: в подводной
части бочки образовался «букет»
из животных.

Усонюгие теплых морей способ-
ны сооружать и другие не менее
оригинальные вещи. Их ракови-
ны, состоящие из маленьких из-
вестковых пластинок, так крепко
прикрепляются к плавающим
предметам, что разрушить коло-
нию морских уточек, напомина-
ющую по своей форме вазу, куб-
ок или пирамиду, не способен
самый свирепый шторм.

Известно, что лиственные де-
ревья каждую осень сбрасывают
листья, а весной одеваются в но-
вый зеленый наряд. А хвойные?
Сосна меняет свои иголки раз
в три-четыре года, ель — в пять-
девять лет, пихта — в пятнадцать
лет.

Листья лимона и фикуса живут
два-три года. Но самым постоян-
ным в своих нарядах растением
является южноафриканская вель-
вичия. Ее кожистые трехметровые
листья, похожие на длинные рем-
ни, не опадают и живут вместе
с растением до ста лет.

РОДНИК

КОНКУРС
КОНКУРС

БЕРЕЗКА

Солнце встало на рассвете,
 Бронзой тронуло верхушки...
 Вот тогда ее я встретил,
 Тонконогую девчужку.
 Сразу даже не заметить:
 Как и все, простоволоса,
 Но шалун примчался ветер,
 Дернул девочку за косу.
 Озорной, как все мальчишки,
 Весь промокший в ранних росах,
 Он подкрался к ней неслышно —
 И заплакала береза.
 Смотрит грустно, не мигая,
 Холодком глаза завьюжив.
 Что ж ты, ветер, убегаешь?
 Попросить прощенья нужно!

Эту фотографию лягушки прислал на конкурс Илья Боровок из с. Михайловского Московской области.

РОДНИК

За небо в нем, за синеву над ним,
 За то, что он проклевывает чашу,
 За чистоту я полюбил родник,
 Совсем простой, об этом не кричащий.
 Бывает: солнце жжет над головой,
 Бывает: зной становится бедою —
 Тогда встает он с чистою, живой,
 С отменной студеною водою.
 Вкуснейшая! Как будто в первый раз
 Ты пьешь ее и припадаешь снова...
 Ищу слова я. Как похож сейчас
 Глоток воды на найденное слово!

ПОДОРОЖНИК

О нет, не зря он у дороги вырос,
 Как наше детство, дерзок, бесшабашен!
 Зеленоглазый маленький задира,
 Ты помнишь детство, помнишь детство
 наше?
 Ты помнишь, как играли мы в Чапая?
 Мы дрались, позабыв про осторожность,
 Ударами друг друга осыпая.
 А ранен чуть — искали подорожник.
 С живой водою голубых росинок,
 Для нас необходимым другом стал он.
 Он обладал живительною силой:
 Любая наша рана зарастала...
 Гляди: вот он зеленоватым дымом
 Бежит по солнцем выжженным кюветам...
 Вот мне бы стать таким необходимым,
 Таким же жизнерадостным и светлым!

Валерий САВОСТЬЯНОВ

г. Тула

Нет, не соломины, снятые в упор, видите вы перед собой. Это тоже злак, но особенный, древесный. Имя ему — бамбук. С его младшими братьями вы знакомы по рыбалке и лыжным походам. Но если не срезать бамбуковый побег вовремя, он достигнет вот таких гигантских размеров. Недаром на Малайском архипелаге встречаются «удочки» сорокаметровой длины, ловить которыми можно, пожалуй, даже китов. Растет бамбук быстро, не по дням, а по часам и, вырастая, образует непроходимые леса.

Не найдешь другого растения в Юго-Восточной Азии, которое давало бы людям так много. Бамбуковые хижины и мешковину, мосты и циновки, зонтики и телеграфные столбы — чем только не обязаны люди этому удивительному древесному злаку! Бамбук служит не только поделочным материалом. Молодые побеги его употребляют в пищу. Из семян, очень похожих на наш овес, пекут хлеб. А слышали ли вы когда-нибудь о бамбуковом сахаре? Есть, оказывается, и такой.

Табашир. Эти кремнеземистые образования, заключенные в междоузлиях бамбука, находят применение в фармакологии. Индийские медики давно научились получать из табашира лекарства от многих болезней: желтухи, туберкулеза и других.

Он дает людям кров и пищу, лечит и одевает — вот какой он, бамбук!

Люди веками имели дело с животными, наблюдали за ними. Постепенно в сознании человека сложились вполне определенные представления о тех или иных зверях и птицах. Возникли своего рода образы животных, почти в неизменном виде переходившие из поколения в поколение. Медведя считали неуклюжим, таким увальнем, лису — хитрой, волка — злобным и кровожадным, зайца — трусливым.

Глубокое изучение образа жизни, поведения животных показало, что эти представления весьма и весьма неточны, ибо они основаны преимущественно на внешних или наиболее бросающихся чертах поведения, характера животных. Ведь медведь только кажется неуклюжим, неповоротливым. На самом деле это зверь ловкий, стремительный в нападении, могущий бесшумно пробираться по чаще. Волк более высокоорганизованное животное, чем лиса, а заяц вовсе не трус. На других животных волк нападает не потому, что он злобный и кровожадный зверь, а потому, что ему надо есть. Охота на зверей и птиц для него столь же естественное и необходимое занятие, как для нас с вами — хождение в магазин за мясом.

Безусловно, волк — вредный хищник. Он уничтожает полезных для человека диких и домашних животных, опасен как распространитель ужасной болезни — бешенства. Поэтому-то волков и истребляют в любое время года, да еще и платят премии за их уничтожение. И все же было бы неверно ставить вопрос о необходимости полного истребления волков: хищники в природе так же необходимы, как и другие животные.

С детства мы хорошо усвоили, что волк — вредный хищник. Между тем волк — животное очень и очень интересное. Понять его в небольшой степени поможет вам увлекательно написанная книга Лоис Крайслер «Дикая Арктика», которая в 1966 году выйдет в издательстве «Мысль» (серия «Рассказы о природе»). В нашем журнале мы печатаем отрывки из этой книги в переводе Виктора Хинкиса.

Лоис Крайслер — жена американского кинооператора. Вместе с мужем она полтора года прожила на севере Аляски, в тундре. Супруги работали в совершенно безлюдной местности, снимая кинофильм о диких животных. Крайслеры наблюдали и снимали зверей и птиц, не пуганных человеком, в естественной обстановке, и их наблюдения имеют поэтому немалую ценность. Книга, созданная на основе дневниковых записей, рассказывает о жизни и работе в тундре, смене времен года, о гризли и росомахах, куропатках и песцах, но больше всего — об оленях и волках. О последних автор пишет особенно увлекательно.

Курок и Леди, так назвали волчат, попали к американцам совсем маленькими. Они выросли среди людей и привязались к ним. Вот об этих-то «волчишках», как называет их Крайслер, и рассказывается в тех главах книги, которые публикуются в журнале.

Книга Лоис Крайслер, безусловно, значительное явление в популярной литературе о животных. Советский зоолог, большой знаток животного мира Арктики, доктор биологических наук С. М. Успенский так оценил произведение американской писательницы: «Без преувеличения можно сказать, что об этих «главных героях» книги впервые написано так много и интересно». С этими словами нельзя не согласиться.

И. ШИШКИН,
член Географического общества СССР

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ С ВОЛКАМИ

Рис. И Красильников

ВОЛЧАТА

Крис закончил загон за неделю, и мы с радостью водворили волчат на жизненное пространство, с таким трудом отвоеванное у горы. Как и следовало ожидать, они были вне себя от восторга. Ежедневно Крис прогуливал волчат на поводке.

Как ни странно, волчата были нашими первыми ручными животными. С самого начала нашей жизни мы вели «дикий» образ жизни и не имели возможности ни взять животное с собой в странствие по горам, ни поручить соседу кормить его в наше отсутствие. У нас просто не было соседей, ибо мы жили в таких местах, где на многие мили окрест нет людей.

И вот однажды Крис, глядя на волчат, которые, как обычно, держались дико и отчужденно, вдруг сказал:

— А что, если отпустить их? Пусть сами провожают нас до дому.

— Нет, нет! Они убегут, и мы их больше не увидим!

Крис нагнулся и снял с волчат их нарядные сбруи. То был наш первый смелый дружеский жест по отношению к волчатам, за которым последовал целый ряд других.

Как я и опасалась, волчата пустились наутек. Но затем произошло чудо, и мы обогатились первой бесценной крупницей достоверных сведений о волчьем характере. Леди стремительно повернулась на месте и побежала обратно к Крису, демонстрируя нам так называемую волчью «улыбку» — несомненно, одну из самых милых и подкупающих улыбок на свете. До этого мы и не подозревали, что существует такая.

Леди улыбалась всем своим существом. Казалось, улыбается даже ее выгнутая горбом спина. Плотно прижав уши, она радостно разбрасывала во все стороны, вперед и назад, свои крупные передние лапы, словно они были у нее на шарнирах. Подбежав к Крису, Леди исполнила наиболее очаровательную часть улыбки — наклонила голову набок и высоко задрала переднюю лапу, словно умоляя о дружбе и глядя на Крису снизу вверх с выражением такой неподдельной радости, какой мы еще ни разу не видели на ее острой черной мордочке.

Здесь мы впервые осознали, какими красивыми могут быть волчьи глаза. Их нельзя оценить по достоинству, если не рассматриваешь волка вблизи. С небольшого расстояния замечаешь, что у них удлинённый косой разрез благодаря черной меховой

оторочке глазниц. Если же смотреть с расстояния в несколько футов, глаза посажены как будто горизонтально и выглядят большими и прозрачными, как вода. Серые, золотистые или зеленоватые — у каждого индивидуума своего цвета в зависимости от настроения. Изменяемые темные зрачки, легко расширяющиеся от различных эмоций, могут гореть или сверкать свирепым огнем алчности и гнева.

Остальные части волчьей морды также изменяются, отражая различные чувства. Веки могут быть зажмурены или разглажены, уши чутко настроены или миролюбиво поджаты.

Улыбка совершенно естественно переходит у волка в «полное волчье приветствие». Склонив голову набок и нагнув шею, он может лечь на землю сперва шеей, а потом, вывернув свое гибкое, как у угря, туловище, и спиной — истинно танцорское движение, на которое не способна ни одна собака. Причем он делает это одним плавным движением, сопровождаемым ласковым поблескиванием глаз.

Отныне волчья улыбка прочно вошла в нашу жизнь, постоянно согревая сердца и заставляя улыбаться в ответ. Вскоре мы обнаружили, что самым ободряющим знаком, какой мы могли подать в тундре волчатам, недоверчиво наблюдающим за нашим приближением, было самим воспроизвести волчью улыбку. И вот мы приседали на корточки, раскорячив локти, и откидывали в сторону руку. Понижение роста волк истолковывает, как признак миролюбивых намерений. Не знаю, доходила ли до волчат наша идея изобразить улыбку. Во всяком случае, приседание и откидывание руки было для них нашим постоянным знаком отличия. Они улыбались в ответ, откидывали в сторону лапу и бежали к нам.

Не отдавая себе отчета в том, как это важно, мы во многих случаях начинали с подражания, чтобы держать волков в своей воле.

Наивно было полагать, что после того, как Крис даровал волчатам свободу и ответил на их улыбку, они с легкостью последовали за нами домой. Как бы не так! Более того, они время от времени оглядывались назад, чтобы убедиться, следуем ли мы за ними! Очевидно, они видели в нас часть своей стаи, хотя в тот момент мы и отдаленно не догадывались об этом. Общительные волчишки хотели, чтобы мы составляли им компанию, но при этом всячески изворачивались, не давая себя схватить.

В конце концов они были водворены в загон, накормлены; и надо было видеть, каким довольством и благодушием сияли их маленькие мордочки!

Начиная с этого дня, волчата пользовались полной

свободой на наших ежедневных прогулках. Мы обладали спасительным «начальным невежеством», которому впоследствии только диву даешься. Мы и представить себе не могли, какие треволнения нас ждут впереди, когда мы попытаемся жить на более или менее свободных началах с животными.

Нами руководило поверхностное желание фотографировать волчат. Разумеется, для нас это было возможно лишь на основе дружеских отношений. Более того, мы хотели снимать их в естественном окружении. Последние чудесные уголки дикой природы, ныне стираемые с лица земли, представляли неисчислимую ценность. Дикая природа без животных мертва, это всего лишь мертвый пейзаж. А животные без дикой природы — закрытая книга.

Итак, сбруя была навсегда снята с волчат: и тут я с ужасом обнаружила, что на их шубке остались следы. Неясными бледными полосами они виднелись даже на пышной черной шубке Леди. Неужели сбруя могла попортить шерстку? Тогда я еще не знала, что эти «сбруйные метки» — отличительная черта всякой волчьей шубы.

Теперь волчата открывали нам тундру, как никто другой. Первым делом они обратили наше внимание на безыменные комочки костей и перьев — остатки птиц, погибших здесь нынешней весной.

Леди поймала мышь. Это была ее первая добыча. Она принесла мышь Крису, и он похвалил ее. Леди танцевала вокруг него, сияя от гордости.

Как-то мы шли с волчатами по новому маршруту, и я обернулась взглянуть, почему отстала Леди. Я увидела черного волка. Он стоял возле куртинки впервые открытых им темно-розовых маргариток и знакомился с ними! Он водил по ним носом, поднимал лапу и трогал их. Впоследствии нам доводилось наблюдать, как другие молодые волки точно так же знакомятся с первыми цветами.

Волчье любопытство не направлено на извлечение выгоды и идет дальше страха и интересов желудка. Впервые раздавив гриб-дождевик, Леди отпрыгнула назад, чихнула и снова хлопнула его лапой. Любопытствуя, она подбежала ко мне. Сидя на земле, я рвала и ела первые, еще кислые ягоды черники. Я раздавила несколько ягод, она слизнула их языком и стала внимательно наблюдать за мной. Я сорвала и дала ей, после чего она сама сорвала и съела несколько ягод. Волчат тоже надо учить.

Затем мы открыли в натуре волчат совершенно непонятную нам черту. Желая порадовать их, Крис однажды привел волчат к найденному им трупцу оленя. Однако волчата не обрадовались, а как будто смутились и взволновались. Затем крошка Леди взвалила на себя неимоверный труд (надо полагать, такова была бы и нормальная реакция ее родителей) — стала прятать мясо. Она отрывала кусок, уносила и, держа его в челюстях, деловито выкапывала ямку. Леди клала мясо в ямку и засыпала его взрыхленной землей, наскребая землю не лапами, а своим нежным носом. Затем она спешила обратно к туше. Она прятала куски по разным местам. Ну, а что делал тем временем Курок?

Курок ел!

Чем это объяснялось — различием между самцом и самкой или несходством характеров?

Много времени спустя нам удалось наблюдать, как Леди два часа работала, словно вол, под палящим солнцем, пряча по частям добычу, а Курок прохладился в тени ив. Но мы видели за работой и его. И Курок трудился, даже еще прилежнее Леди, делая большущие концы с тяжелыми кус-

ками мяса. прежде чем спрятать его Единственным стимулом к этому у него был дух соперничества, опасение, что его мясо могут присвоить чужаки. Леди же действовала как будто из более общих побуждений. Мясо положено прятать, вот и все.

Волчата были совсем непохожи друг на друга. Леди отличалась диким, крайне независимым нравом, была бесстрашна, игрива и всегда предводительствовала, всегда знала, куда идти, что делать. Курок поражал меня сочетанием барственности и робости, хотя, возможно, это вполне естественное сочетание. Он был сложной натурой, Леди — простой.

Курок любил роскошь. В жаркие дни он занимал единственный прохладный уголок в загоне — похожую на логово пещеру. Леди же с полным безразличием спала где придется, прямо на солнцепеке. Когда Крис и для нее выкопал тенистую пещеру, она два дня с недоверием обходила ее: «дикое» место!

Курок был очень привязан к Леди. В нашем загоне не было ворот. Мы отгибали в одном месте верхнее полотнище металлической сетки и переступали через нее. И вот однажды вечером Курок чуть не сошел с ума. Мы посадили Леди в загон, а он этого не видел, тем более что часть пути Крис нес ее на руках. Курок решил, что Леди пропала, и бежал в тундру искать ее, а когда вернулся к загону, она была тут как тут. Кланяясь и улыбаясь, она приглашала его к игре, бегая вдоль изгороди с другой стороны. Он был до того расстроен, что никак не давался в руки и не шел домой.

Но очутившись, наконец, в загоне, бедный волчишка думать забыл о всяких удобствах и хотел лишь одного: быть поближе к Леди. Даже на следующую день, оставив свою тенистую пещеру, он лежал рядом с ней на солнцепеке, положив большую поджарую лапу на ее пушистый мех.

Много спустя Крис сказал мне:

— Я допускаю, что когда-нибудь Курок может стать опасным, но свирепым — никогда.

У волчат было сильно развито чувство собственности. Они не ссорились из-за еды: кому первому достался кусок мяса, тот и съедал его. Но если, случилось, оба хватили мясо одновременно, начиналась игра «кто кого перетянет». До драки дело не доходило: каждый цепко держал лакомый кусок и ни за что не хотел уступить его другому. Они шлепались на землю, рычали, тянули мясо к себе, упирались — и все ритмично, словно под барабанный бой.

Однажды Крис решил инсценировать и заснять эту борьбу. Подготовив камеру, он бросил волчатам большой кусок мяса. Оно досталось Леди: Курок лишь взглянул на нее, затем сел и выжидающе уставился на Крису, то и дело поспешно оглядываясь через плечо — не просмотрел ли он, как его доля пролетела мимо. Крис рассмеялся и, не выдержав, бросил кусок и ему.

Когда мяса становилось мало, волчата и не подозревали, что мы были бы просто убиты горем, если б они стали просить у нас есть. Но они никогда не канючили. Если они голосили, так только тогда, когда мы уходили и оставляли их одних.

Волчата были игривы и все делали наперекор, как щенки. Как-то дождливым вечером я стояла у печки и терпеливо просушивала волчьих подстилки. Затем я расстелила их в спальном ящике в загоне. Волчишки заскочили в ящик, выволокли из него подстилки и, расправив их лапами, улеглись на них прямо под дождем!

Однажды, прогуливаясь, мы набрали на молодого оленя-самца. Волчата были заняты игрой и не сразу заметили его. Он сперва бросился бежать, потом остановился, оглянулся назад — и окаменел от необычайного шествия, двигавшегося к нему по тундре: два человека, черная длинноносая кинокамера и два резвящихся волка.

Увидев, наконец, оленя, волчата припустили от нас во все стороны. Крису удалось остановить Курку, но против Леди все мольбы были бессильны. Она упорно бежала вверх по горе, и мы совсем было решили, что больше нам ее не видать. В конце концов она сама сочла за благо вернуться и сидя наблюдала за оленем, который бежал теперь что есть мочи.

Поступок Леди был отчасти продиктован ужасающей самонадеянностью, свойственной всем молодым диким животным: точно так же детеныш горного барана убегает от матери и от стада, ища укрытия на высокой скале. Но было в нем и нечто другое. Крис почувствовал это:

— Они понимали, что ничем мы не можем помочь им. Но и они не собирались помогать нам. Попадай мы в беду — тем хуже для нас, только и всего.

Все эти открытия очень нас озадачивали. Наши предвзятые понятия о волках мешали нам принимать факты такими, какие они есть. Курку и Леди потребовалось немало времени, чтобы сломить и развеять эту предвзятость.

А она есть у каждого. Каждый «знаток о волках все». Вот, например, о трубкозубах не существует единого мнения, а о волках существует; и человек, отродясь не видевший волка, будет с пеной у рта утверждать, что его мифический, выдуманный волк — настоящий.

Я была куда ревнивее по отношению к волчатам, чем Крис. На первых порах он ладил с ними гораздо лучше, чем я. Каждое утро, готовя завтрак, я с завистью поглядывала на него. Он сидел на низком камне в загоне и ждал, когда волчата прибегают поиграть с ним. Мы очень скоро убедились, что время игры определяем не мы, а они.

Курок уже теперь был животным одного хозяина, а именно — Крису. Он сам приходил к нему и давал тихонько гладить себя. Леди была ничьей и очень уклончива по натуре.

Однажды я заметила, как она стояла за спиной Крису и, подняв голову, задумчиво со-

зеркала его шляпу. Можно ли отделить шляпу от его тела? Едва ли. Тогда она сунула нос в его боковой карман и сделала открытие: уж носовой-то платок отделяется! Она вытащила его и побежала, победно размахивая им на зависть Курку. Отныне это стало ее любимой забавой, и носовые платки Крису вскоре были изодраны в клочки.

Случалось, Леди пробовала оттеснять Курку от Крису, широко расставляя лапы и улыбаясь ему, если только Курок не кусал ее легонько за ноги. А как-то утром, в то время как Курок блаженно льнул к ногам Крису, Леди отошла в сторонку, улеглась к изгороди и как бы с полнейшим безразличием принялась глотать старую кость. И тут я с изумлением заметила, что ее безрадостные зеленые глаза то и дело устремляются на парочку у скалы. Леди ревновала! Что Курок тоже ревнив, мы тогда еще не знали.

ОХОТА НА ОЛЕНЕЙ

Резкая перемена погоды дала Крису возможность провести две съемки, причем последняя была такой, о какой он мог только мечтать.

Мы завтракали в тени под брезентом, как вдруг Крис, взглянув на горизонт, сказал:

— Что-то не припомню на том месте таких скал.

Он оставил завтрак, схватил камеру с пленками и быстро полез в гору. Скалы, о которых он говорил, шевелились. Это были рога оленей, сплошным потоком двигающихся вдоль горизонта. Отростки рогов реяли над головами оленей, словно привязанные нитками перья.

Оленей изводили кожные оводы. Основная масса животных держалась в горах, через ущелья проходили лишь одиночки. Нам часто случалось видеть, как какой-нибудь олень внизу вдруг начинал как очумелый метаться взад-вперед, пытаясь отделаться от овода.

Чуть ли не в один день тундра стала курчавой. Ее цвет из рыжеватого-коричневого перешел в летний серо-зеленый: зеленее она не бывает.

Укрыться от жары было негде. Солнце ходило вокруг нас круглые сутки. Но была и передышка. Каждый день около полудня над нами проходили синеватые грозовые тучи. Ущелье мгновенно охлаждалось и наполнялось почти осязаемым, горящим сумраком, будто по чьему-то слову или мановению руки.

Утром 30 июля, когда я еще одевалась в палатке, Крис крикнул мне:

— Волки! Лоис, я вижу двух волков!

Я босиком выбежала из палатки.

Внизу по тундре между озерами рыскали два каких-то продолговатых, кремового цвета зверя. Все животные, которых мы видели в этот достопамятный день, направлялись на север, за исключением оленей с олененком, прошедших на юг, да волков, которые шныряли взад-вперед между озерами.

Завтракать в то утро нам не пришлось. Не успела я одеться, как Крис снова крикнул: «Они погнались оленя!» С этого момента мы четыре часа подряд наблюдали охоту волков на карibu — зрелище, которое мало кто видел собственными глазами и которое почти никто еще не описал.

Темно-серый олень бежал на север, к Среднему озеру, волки — за ним. Внезапно все трое, словно по команде, надали ходу, и олень оторвался от преследователей. Волк, бежавший впереди, остановился, панибратски взглянул на сотоварища и — сел! Олень был теперь уже далеко, держа путь на низкий водораздел в северном конце ущелья.

Мы думали, что теперь волки переберутся к нашему краю ущелья. Но вместо того они порысали на ту сторону — там, на зеленой лужайке, волк покрупней — как нам казалось, самец — прыгал, разрывал лапами землю и снова прыгал; очевидно, охотился на мышей.

Внезапно волк поменьше и поживее — вероятно, самка — повернул обратно. «Еще олень!» — сказал Крис. И тут мы увидели такое, что у нас дух занялся, — волчьей тактикой в действии.

Волчица, казалось, бежала прямо на ничего не подозревающего приближающегося оленя. Но нет — она прошла выше его незамеченной. Лишь зайдя в тыл, перестала таиться, повернулась и погналась за ним.

Олень побежал прямо на большого кремового волка, ждавшего на невысокой гряде, поблизости от Среднего озера. Олень бежал вдоль гряды. Заметив поджидающего волка, он рванулся вперед, как подхлестнутый.

— Хочет прыгнуть в озеро, — сказал Крис.

В это мгновение олень свернул в сторону и помчался вниз по склону гряды к зеленеющему у берега озера болоту. Тут в погоню включился и большой волк, бросившись к оленю под прямым углом.

— Сейчас нагонит, — сказал Крис.

Но олень быстро промахнул топь. Волк сунулся в болото — и как сквозь землю провалился, потом поднялся и снова кинулся вперед, но скоро отказался от погони. Он основательно вывалился в грязи и вылез из нее, практически неотличимый от сероватой тундры и черных скал вокруг. К счастью, его напарник был еще чистехонек и доступен для съемки.

Неровной рысцой волки потрусили обратно к Посадочному озеру. Внезапно неутомимая маленькая волчица вновь пустилась бегом. Мы не сразу поняли, какую жертву она себе наметила.

Посадочное озеро было совершенно неподвижно. Фиолетово-зеленые горные склоны, словно мираж, наклонным отражением уходили в его мглистую тихую глубину. Новичок в здешних местах вообще мог бы не заметить его. И вдруг я увидела цель волчицы — большого оленя-самца. В данный момент он был вне опасности, на середине озера — черная точка с продолговатым серебристым треугольником тянущегося по воде следа. Он плыл в нашу сторону.

А два красивых волка спокойно рысили по тому берегу озера в обход, чтобы встретить оленя, когда он будет выходить на сушу. В южном конце озера тоже было болото. Оно несколько замедлило их продвижение. Волки преодолевали его прыжками, взметывая в воздух серебро брызг. Казалось, им было некуда спешить. Не торопясь, они двинулись вдоль нашего берега к тому месту, куда правил олень. Он уже поймал ногами дно, встал, выставив над водой черную морду и белоснежную грудь, и взглянул на берег перед собой, а затем на север, словно намереваясь вылезти из воды и пойти в этом направлении.

С замиранием сердца я наблюдала, как волки подходили все ближе, следуя вдоль кромки воды всем извилам берега. Олень терял драгоценное время. Наконец он качнул рогами вправо и вдруг бросился в воду и снова поплыл через озеро — не поперек, а под углом к берегу, уходя от волков в северо-западный угол.

Волки повернули и пустились в обратный путь по берегу. Теперь это была гонка с точным расчетом. Олень плыл почти боком к нам, чуть-чуть забирая от нас. Его черная массивная голова и розетки у основания рогов отражались в воде. Его спина была вытянута в ровную коричневую черту. Плыл он не по прямой, а то вправо, то влево, быстро работая ногами под водой, снова черта по застывшей глади озера две длинные, расходящиеся углом борозды.

Волки двигались уверенно, но не спеша. Казалось, шансы были равны: и они и олень должны были достичь места его выхода на берег одновременно. Волки обежали болото и направились на север.

Внезапно ведущий волк пустился галопом: по тому берегу озера возвращалась олениха с детены-

шем, прошедшая здесь рано утром на юг. Она была впереди волков и еще не заметила их.

Волки бежали один в хвост другому у кромки воды, их отражения бежали под ними. Олень-самец был уже у самого берега. Он и самка с детенышем одновременно увидели друг друга и приняли за врага. Самец повернул, так и не достав ногами дно, и снова — теперь уже в третий раз — поплыл на середину озера. Олениха, по-прежнему не замечая действительной опасности — волков, помчалась на север.

Олененок же сделал нечто, на наш взгляд, неразумное и рискованное: повернул под прямым углом и, пробежав вверх по горному склону, затерялся среди пестрых скал. Поступок детеныша связал мать, сковал ее тревогой за него. Она остановилась, оглянулась и теперь только заметила волков. Они были близко и уже хорошо видны. Олениха повернулась и побежала вперед. Но в ней не чувствовалось той сосредоточенной целеустремленности, как у первых двух оленей, за которыми гонялись волки. Она замедлила шаг, останавливаясь взглянуть вслед олененку, рискуя потерять свой выигрыш в расстоянии, и даже делала круги. Но вот, наконец, она перестала колебаться, повернула и помчалась напрямик по открытой тундре к водоразделу.

Я не знала, что и подумать. Я не видела, где находится маленький темный олененок, а спросить у Криса не могла, так как он перешел с кинокамерой на более удобное для съемки место. Некоторое время я даже не могла обнаружить волков. Потом один из них вынырнул из зеленой лощины. Поймали ли они олененка, пока я наблюдала за матерью? Когда она окончательно потеряла с ним контакт и побежала безостановочно, видела ли она его смерть?

Олень-самец раздражал меня. Он достиг середины озера, и мне хотелось, чтобы он продолжал плыть дальше, выбрался на наш берег и отдохнул. Ведь волки уже поставили на нем крест. Но, спасшись от волков на одном берегу озера и столкнувшись на другом с двумя животными, которые показали ему врагами, он явно считал, что его обложили со всех сторон.

И вот теперь он плавал зигзагами на одном месте в чистой спокойной темной воде. Вот он повернул голову в нашу сторону. «Сейчас пойдет к берегу», — с облегчением подумала я. Но он резко взял в сторону, показав нам бок. Наконец он направился к нашему берегу, оставляя за собой две длинные, расходящиеся углом волны, но плыл на этот раз не так быстро. Нащупав ногами дно, он долго стоял в воде, поворачивая свою темную, украшенную рогами голову то в одну, то в другую сторону, и в конце концов выбрался на берег, блестя потемневшей от влаги шерстью. Через некоторое время он осмелел настолько, что стал пощипывать зелень, но с места не сходил и то и дело поднимал голову и вертел ею во все стороны.

Между тем мы сошли вниз, в ущелье, всецело сосредоточенные на съемке и даже не вспомнив об оружии. Крис установил кинокамеру на взгорке; перед взгорком была болотистая низина, за нею — волки. Мы не знали, нашли ли волки олененка. Во всяком случае, вид у них был такой, будто они поели и теперь отдыхают.

Нас дожимали жара и жажда. Хорошо еще, что Крис догадался захватить пару апельсинов, когда перезаряжал аппарат. И вот мы сидели у треноги,

ели апельсины и наблюдали за волками. Самец лежал вытянувшись, не поднимая головы. Самка время от времени поднимала голову и, взглянув на нас, тут же опускала. В конце концов ей это надоело, она поднялась, повернулась и легла так, чтобы наблюдать за нами, не поднимая головы.

Внезапно она вскочила и снова побежала на юг: оттуда приближался олень.

Как и прежде, волчица не пошла на него в лоб, а обошла его стороной и, лишь зайдя ему в тыл, сделала поворот. И вот оба они уже мчатся на лежащего в засаде самца. Волчица опять пустила в ход свою тактику, погнав оленя прямо на него. А самец тем временем сел, взглянул на нас и лениво сделал несколько шагов вперед, поглядывая на нас вновь и вновь.

И тут случилось невероятное. Олень остановился и по железной привычке всей оленьей породы оглянулся назад. Казалось бы, волку представилась блестящая возможность настичь его. Но нет! Волк тоже остановился и — сел! Олень стоял и смотрел на волка, волк сидел и смотрел на оленя.

Прошла минута или две, прежде чем олень повернулся и продолжил бег, продемонстрировав тот чудесный скользящий бросок вперед, который олени, как назло, выдают именно в тот момент, когда кинокамера бездействует. Волк вскочил и бросился в погону.

Олень бежал прямо к своей верной гибели. Большой кремовый волк поджидал его.

— Сейчас мы кое-что увидим, — пробормотал Крис.

И мы действительно увидели, но не то, что предполагали. В этот момент в игру вступил — как бы вы думали, кто? — олененок! Все это время он лежал притаившись, а когда самка пробегала мимо, вскочил и побежал за ней. Неужели его мать обошла озеро кругом, чтобы подобрать его? Ответ не заставил себя ждать.

Как раз в этот момент олениха пробегала мимо волка-самца, не видя его. Как и прежде, он бросился к ней под прямым углом. Но теперь-то мы знали, с какой скоростью бегают волки и олени. Она была в безопасности. Волчица остановилась: теперь пусть работает волк. Некоторое время он бежал за оленихой, но вскоре отказался от погони. Олениха продолжала бежать на север.

Мы все еще были уверены, что волки не останутся без завтрака, что олененок обречен. Глупыш вполне поспевал за самкой, но вел себя очень нерешительно. Он часто останавливался и оглядывался на волков. Теперь они гнались за ним. Вол-

ки сокращали дистанцию при каждом его зевке, пока он снова не припускал что есть сил. Неужели он не перестанет делать эти остановки и оглядываться назад? Наконец он догнал-таки самку. Я облегченно вздохнула. Уж теперь-то он в безопасности, она выведет его из этих мест. Но не тут-то было! Оказалось, что это совсем другая самка! Олененок снова повернул и побежал в горы. Олениха, не обращая на него внимания, чужая ему, продолжала мчаться вперед.

Теперь настал наш черед. Бросив оленей, волки нерешительно потрусили в нашу сторону. Над склоном пригорка показалась волчья голова, затем и все тело. Волчица остановилась, разглядывая нас, потом стала подходить.

Слов нет, у меня мурашки ползли по телу. Я, конечно, догадывалась, что волки были боязливее меньше Курка и Леди и бросились бы бежать сломя голову при малейшем нашем движении. Но все равно мы испытывали трепет оттого, что к нам подходят, нас наблюдают дикие волки.

Волчица повернулась и описала вокруг нас дугу. Тем временем самец тоже поднялся на пригорок и тоже описал дугу, но на более почтительном расстоянии. Затем волк зевнул. Широко, спокойно, безразлично, и оба потрусили мелкой рысцой к водоразделу...

Это утро принесло нам ворох сюрпризов. Во-первых, мы узнали, как быстро волки определяют, что погоня бесполезна. Во-вторых, увидели самой природой устроенную «коробку скоростей» оленя и волка.

И, наконец, совершенно неожиданным для нас оказалось то, как быстро бегал олененок.

Как-то вечером, когда внизу, в ущелье, уже начала расти тень и мы хотели сесть ужинать, издали послышался шум мотора. Самолет! Мы помчались к озеру.

Самолет стоял у берега на темной прозрачной воде. Энди — летчик, одетый по погоде, зябко ежась, спустился на поплавок. Все это время он ждал нас в кабине.

Он полетел с Крисом на север к озеру Тулиалек, где я жила одна в апреле. Когда они вернулись, решение было принято окончательно. Они обнаружили свежие следы оленей и видели там несколько гризли. Горючее, которое я принесла туда на своих плечах, было в целостности и сохранности. Итак, зимую на озере Тулиалек.

(Продолжение следует)

ТВОЙ ДРУГ — „ВОЖАТЫЙ“

Среди множества юношеских журналов есть один, который носит название «Вожатый». Этот журнал — твой первый помощник, если ты, пионер-старшеклассник, назначен вожатым отряда младшего класса, если руководишь группой октябрят, участвуешь в кружке художественной самодеятельности, занимаешься спортом.

Юный патриот своей Отчизны, ты найдешь на страницах журнала немало проникновенных страниц о своей Родине, ее истории, боевой и революционной славе, великих достижениях в строительстве коммунизма. В клубе «Родина», который открыт

на страницах журнала, перед тобой выступают прославленные полководцы, преобразователи природы, известные путешественники, ученые, писатели, журналисты.

Журнал — твой собеседник по всем вопросам пионерской жизни. Он расскажет тебе о том, что нового в отрядах и звеньях, как идет Всесоюзный смотр пионерских дружин, как живут и работают твои зарубежные друзья-пионеры. В любом новом номере журнала ты найдешь интересную пьесу, песню, рассказ, стихотворение, узнаешь новости спорта.

Подписка на журнал «Вожатый» началась. На него можно подписаться индивидуально, а также всем звеном или отрядом. Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати» без ограничения.

Уж не повезет так не повезет. Саша Нестеров безнадежно опаздывал. Но только выскочил он из скверика на прямую дорогу, как заметил у колодца Дарью Никитичну. Саша хотел незаметно шмыгнуть на другую сторону, но она поставила ведра на землю и выжидательно посмотрела на него.

— Поднести? — подскочил Саша и схватился за дужки.

— Рядом уж... Сама... — ответила бабка Дарья. — Ты мне лучше вот что скажи, специалист.

«Специалист» огорченно вздохнул — теперь уж наверняка опоздал! — и приготовился слушать рассказ Дарьи Никитичны. А неторопливый рассказ этот был о том, как добрые люди подсказали ей хорошего человека — акиньшинского мельника, как долго сговаривалась она с ним о цене, как, наконец, купила сено и с какими хлопотами привезла его домой.

Уже не слушая, Саша в отчаянии чертил носком ботинка восьмерки на придорожной пыли и проклинал тот день, когда получил от бабки почетное в ее устах звание специалиста. А случилось это два года назад и началось с пушкинской сказки «О мертвой царевне и о семи богатырях». Дарьян внучонок Славик вычитал в ней про заколдованное яблоко.

Оно

Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось.
Видно семечки насквозь!

— Вот это, я понимаю, яблоко! — поддразнивал Славик. — «Видно семечки насквозь!» У ваших юннатов, поди, нет таких.

На другой день Саша внимательно осмотрел все сорок восемь сортов яблок, растущих в саду, выбрал нужный и победно принес ему пригоршню золотистой китайки — смотри! Славик приставил

ЗВЕЗДА РУБИНОВЫХ ГРОЗДЬЕВ

Рис. В. Соловьева

яблоко к глазу и взглянул сквозь него на солнце. В прозрачно-желтой мякоти темнели семечки!

— Откуда это ты мороженые яблоки принес? — спросила Дарья Никитична.

— Мороженые? — возмутился Саша. — А вы попробуйте!

Та откусила половину яблока. Потом, не сказав ни слова, собралась и ушла. Никто не знает, как удалось ей заполучить у Василия Ивановича, директора «Мичуринского садика», пару саженцев китайки, но Славик с тех пор зачастил к юннатам, а Сашку стали называть «экспертом по сельхозвопросам».

— Так вот, Сашок, — закончила свой рассказ Дарья Никитична, — привезла я это, значит, сено. Дала его своей Звездочке, а она морду в сторону... Чего я ей только не примешивала! Не ест — и все тут. Что за напасть такая?

— Знаете что, Дарья Никитична, мы о вашем деле на кружке поговорим. Думаю, получится что-нибудь.

— Вы уж обязательно, — забеспокоилась старушка.

— Обязательно! Обязательно! До свидания, Дарья Никитична! — кричал мальчик, отмахивая от колодца уже домов пять.

Саша распахнул ворота юннатского сада, дулей пролетел вдоль длинной цветочной клумбы и осторожно, на цыпочках взбежал на крыльцо. Все давно уже были в сборе. Саша стал прислушиваться к голосам, доносившимся из-за приотворенной двери.

— Вот ты, Славик, когда в избе полы вымоют, как ноги вытираешь? Ботинки, наверно, совсем скидаешь? Босиком по половикам ходишь? Правда? — быстро говорила Аля Морозова. И Саша даже представил себе, как в волнении она одергивает полы своей красной вельветовой курточки.

— Ну! — не то вопросительно, не то утвердительно протянул Славик.

«С чего это они вдруг про половики и ботинки?» — удивился про себя Саша.

— Так не удивительно, что липку вчера заломали, — словно отвечая ему, сказала Аля. — В грязном доме наследить ничего не стоит. Так и на улице. Вы только посмотрите на наши аллеи-ки Сажали, старались. И что? Одну рябину грузовик кузовом подцепил, под другой яму вырыли — глина, видите ли, понадобилась, а получше места не нашли.

— А-а, — сообразил Славик, — выходит, улица наша вроде неприбранного дома — что хочешь, то и делай?

— А кто виноват? — продолжала Аля. — «Зеленые патрули»? Нет, конечно. Одними словами делу не поможешь. Деревце-то уже сломано. Тут по-другому действовать надо.

— Как же? — ревниво спросил Славик, неизменный участник «зеленого патруля».

— А вот как, — сказала Аля. — Обломал какой-нибудь Колька ветки своей деревянной саблей — дай ему нахлобучку. А сам походи осенью в лес и принеси другую липку, еще красивой той. Посади на прежнее место. Тогда не только Колька, все поймут, что липка эта не для игры посажена, а для их же пользы.

Все согласно помолчали.

— Я думаю, все ясно, — заключила Аля. — Составим карту всех поврежденных деревьев. Какие не поздно еще, сразу подлечить надо. А остальные осенью подновим. Пусть тогда кто попробует безобразничать. Совестно станет!.. Нет возражений?

— Возражений-то нет, — сказала Таня Кабанова, — а вот насчет совести скажу. Встретила вчера Сашку Нестерова. «Почему, — спрашиваю, — у тебя яблоня не ополана?» — «Завтра, — говорит, — приду, не шуми только...» А сам не пришел.

— А вот и пришел, — громко произнес Саша, появляясь в дверях. И чтобы замазать разговор о яблоньке, не дав никому опомниться, сразу рассказал про беду Дарьи Никитичны.

— Быть такого не может, — усомнился Вова Мадоров. — Я сколько раз туда ходил. На рыбалку. Там такие луга — по колено мокрый по росе пробынешься.

— Что ж, по-твоему, я вру? Или Дарья Никитична? — вспылил Саша.

— Чем зря спорить, — сказала Валентина Павловна, руководитель кружка садоводов, — пойдемте лучше в Акиньшино. На месте видней.

Без долгих разговоров экспедицию назначили на завтра.

В поход выступили рано, по росе, поэтому не торопились.

Но вот расступились сосны. И ударила в глаза зеркальная лента речки. Как рукой сняло утреннюю нерабочую расслабленность. Гидрологи сразу принялись за свои измерения. Мелкая речонка Тара, а быстрая. Где по колено — еще ничего, а чуть зайдешь по грудь — сразу свалит, снесет.

Ботаники завидовали гидрологам. Тем хорошо — всегда у воды. А попробуй собирать гербарий в такую жару. Когда кончились все листья. Аля Морозова заметила в низине небывалый по величине зонтик какого-то белого цветка. Девочка стала пробираться к нему по толким кочкам, но поскользнулась и по колено увязла в податливой торфяной жиже.

— Славик! Славик! Поди сюда, посмотри! — крикнула Аля.

**Юннатская
инейка**

Славик осторожно подобрался к Але.

— Ну что? Вытащить?

— Да нет, смотри.

Кочки крохотными островками высились над коричневой теплой водой. А по воде стояли неподвижно радужные пленки не то нефти, не то мазута.

— Может быть, от этого трава на лугу плохая? — предположила Аля, показывая на маслянистые размывы.

— Кто его знает? — ответил Дима. — Давай лучше выбираться отсюда. А то ребята в деревню собрались.

С другого конца улицы приметил ребят живой старичок, приподнялся с завалинки, козырьком приставив руку ко лбу: кто бы это мог прийти? Ребятам в тот день везло. Старичок этот был Николай Ефимович Смирнов, акиньшинский старожил.

Разговор о сене предстоял деликатный. Поговорили о новостях, о погоде.

— Дедушка, — не утерпел Саша Нестеров, — а что, правда, будто сено у вас плохое? Коровы не едят.

— Верно это, — вздохнул Николай Ефимович. — Неважное. Корова так совсем не притронется. А овца если и поест, так шерсть из нее потом вылезает.

— Может быть, это от торфа? — спросила Аля Морозова. — Мы заметили, по воде какая-то нефть плавает.

— Едва ли, — ответил Николай Ефимович. — Не от нефти это. Есть у нас на лугу травка одна. Неприметная она, а скверная. Ядовитая или нет — точно не скажу. Только она луг портит.

— А вы не могли бы показать? — и Таня Кабанова разложила прямо на дорожке гербарные листы с только что собранными луговыми растениями.

— Да вот она, — сразу показал Николай Ефимович.

Травка, и верно, была неказиста с виду. Маленькая, с мохнатыми листиками. По определению вмиг нашли и название ядовитой травы — свещевик.

— Может, и свещевик, — согласился Николай Ефимович, — только у Торгового моста трава эта сплошь, — и он показал на низкий деревянный мостик, переброшенный через обмелевшую Тару.

— А почему мост — Торговый? — поинтересовался Славик.

— Ярмарка на нем раньше была. Потому и Торговый, — сказал Николай Ефимович. — Бывало, купцы наедут. Раскинут палатки. Ситцу бабам привезут, лент разных, косянок. А еще первой красной смородины, пряников с тульской печаткой, петушков леденцовых, медового варенья из невежинской рябины...

— Невежинской, вы говорите? — спросил Саша. — А может быть, нежинской?

— По-разному эту рябину называли. И так и этак, — ответил старичок. — Только не было ее слаще.

На этом ребята и попрощались с Николаем Ефимовичем.

Обратно шли вяло. То ли размоленные июльской жарой, то ли огорченные результатами экспедиции.

— Неужели никак нельзя сладить с такой вот травкой? — сказала Аля Морозова. — И название прямо ухо режет — свещевик...

— Не полоть же ее, — откликнулся Славик.

— Знаете? — остановилась вдруг Таня Кабанова. — Я, кажется, нашла. Про гербициды слышали? Так вот. Письмо во Владимир напишем. Ученым. Они-то знают, чем луг протравить, чтобы свещевика этого и в помине не стало. И оживет луг.

Ребята сразу повеселели. Один Саша в задумчивости брел по дороге, побренькивая пустым ведром. «На меня дуется», — подумала Таня Кабанова и, подбежав, протянула ему букет земляники — попробуй!

Саша рассеянно поглядел на нее, взял ягоды и улыбнулся:

— Зря ты вчера на меня. Подожди, я еще такое придумаю.

Два дня не появлялся Саша в юннатском саду. Но приствольные круги его яблонь действительно были в лучшем виде, поэтому о нем никто даже не вспомнил. А на третий день Валентина Павловна задержала ребят:

— Сейчас Саша Нестеров сделает нам короткое сообщение.

Все обернулись на Сашу: давай, мол, скорей.

— Помните, недавно мы говорили о том, как посадим осенью деревья на улицах, — начал он. — Липу посадим, клен, березу. Это хорошо. Но я хочу рассказать вам о рябине. Я все узнал. Я тогда ошибся, а старичок из Акиньшина сказал точно. Не нежинская это рябина, а невежинская. Родина ее — село Невежино в нашей области. А нежинской назвал ее один торговец. Чтобы лучше звучало и чтобы другие не знали и искали эту знаменитую рябину на Украине, в Нежине. А она там вовсе не росла никогда. Вот так.

— Ну и что? — не понял Славик.

— Эх, ты, — вздохнул Саша. — Все-то тебе объясни. Мы с Иваном Алексеевичем уже место нашли. Для нового скверика. Он будет в форме звезды. Звезда из рябиновых гроздьев! Понял теперь?

— Теперь понял, — обрадовался Славик. — И почему пятиконечная знаю. Ведь скоро пятьдесят лет Октября! Правильно?

— Правильно, — улыбнулся Саша. — Как это ты сразу сообразил?

Все рассмеялись. Ребята смеялись не над Славиком. Им было просто весело. Весело и радостно оттого, что люди, весь поселок, в красный день пятидесятилетия Октябрьской революции пройдут на демонстрации под рубиновыми гроздьями посаженных ими рябин.

Б. ЧАЩАРИН

пос. Мстера Вязниковского района
Владимирской области

„ГОЛУБЫЕ РАКЕТЫ“ БРОСИЛИ ЯКОРЬ

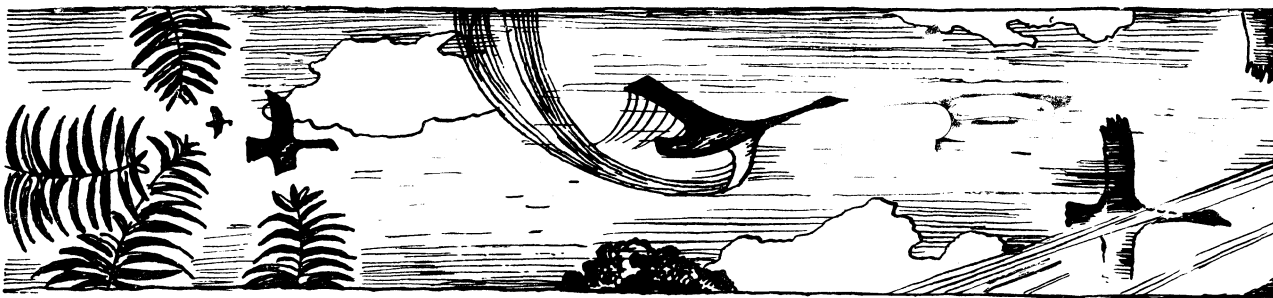
Опустели голубые дороги. Погасли сигнальные фонари и яркие флажки расцветивания. Осень укутала водную гладь промозглым туманом, развесила над далями белесую марлю дождей. Стоят на приколе плоты и байдарки. Экипажи сошли на берег. Но окончилась ли работа юных флотоводцев? Нет. На суше, в школьных классах, в пионерских комнатах, в наземных кают-компаниях — везде, где горделиво смотрит с полки силуэт устремленного вперед голубого кораблика, продолжается поиск.

«А помнишь, а помнишь, а помнишь...» Эти слова раздаются сегодня во многих кают-компаниях «Голубых ракет». Закачивается оформление документов и выставок. От Черного до Белого моря, от Калининграда до Камчатки вспоминают ребята увлекательные дни летних походов. Но экспедиция продолжается. Настала самая ответственная пора. Главный штаб призывает все экипажи внимательно присмотреться к результатам похода. Многое на реке делалось второпях. Сейчас, пока не поздно, следует тщательно изучить, систематизировать и обобщить все собранные сведения. Истинно ли открытие? Чтобы узнать это, установите связь с различными организациями, попросите совета и консультации у ученых.

Вахтенный журнал. Записи в нем коротки и сдержанны. Но много интересного хранит ваша память. Расшифруйте все записи, составьте подробное описание каждого дня экспедиции, час за часом восстановите ход исследований, наблюдений и поисков.

Все команды экипажа «Голубых ракет», кроме впередсмотрящих! Главный штаб дает вам на эту работу месяц. А о том, чем должны заняться в октябре впередсмотрящие, читайте на следующей странице.

Чуть проглянет солнце сквозь желто-красное разноцветье листьев — лучи его разгонят таинственный полумрак комнаты. Ударится в стеклянные проемы витрин, высветят в глубине потемневшие от времени шлемы, заиграют потускневшей медью старинных монет.

Школьный краеведческий музей. Не правда ли, хорошую пристань нашли для себя юные исследователи рек Кривозерской восьмилетней школы Пензенской области?

Посредине стол. На нем альбомы, чертежи, карты. После занятий все участники экспедиции рассаживаются вокруг стола. Володя Тугушев, капитан «Голубой ракеты», строго следит, чтобы в комнату не проникли посторонние. «Вот оформим все — тогда приходите!» А работы непочатый край.

На столе возвышается неуклюжий ящик, сколоченный из неоструганных досок. В нем самая ценная, можно сказать, уникальная находка экспедиции. Случилось это так. Шел третий день похода. Лагерь разбили на правом берегу Суры. Однажды был назначен общий сбор. Когда все пришли, оказалось, что нет Саши Сивова. Вернулся он часа через два, перепачканный глиной и илом. Пролез в палатку и бережно положил на стол какую-то

кость. Ребята засмеялись. Тогда Саша, не разговаривая ни с кем, взял кость назад и, плотно упаковав ее в бумагу, положил в ящик. После возвращения в палеонтологическом музее выяснили, что это действительно ценная находка — бедренная кость шерстистого носорога, обитавшего в далекий ледниковый период.

Есть что вспомнить и гидрологам. Сура — река необычная. Весной широко разливается, затопляет пойменные земли, пугает бурунами и воронками. Но наступит лето — и не узнать грозную красавицу. С каждым днем отступает вода, оставляя за собой белые холстины песка, кротко журчит на быстрине. Почти везде ее можно перейти вброд. Так и измеряли ребята глубину. Возьмешь размеченную вежу и ступай себе на другой берег, делая на ходу отсчеты. Результаты получились интересные. Средняя глубина реки всего 1 метр 6 сантиметров. Зато скорость не подкачала. Много раз гидрологи бросали поплавок, засекали время, пока не пришли к выводу: скорость течения 0,35 м/сек. Это значит, что лодка без весел и мотора своим ходом проплывает за час 900 метров.

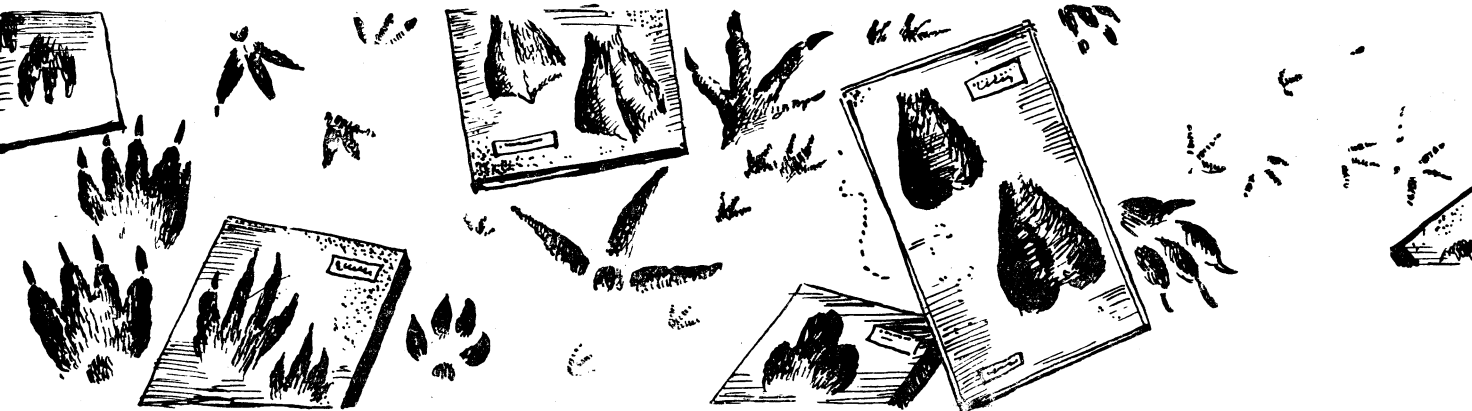
Когда высохли разноцветные линии туши на большом листе ватмана, Володя Клейменов поставил на карте последнюю по-

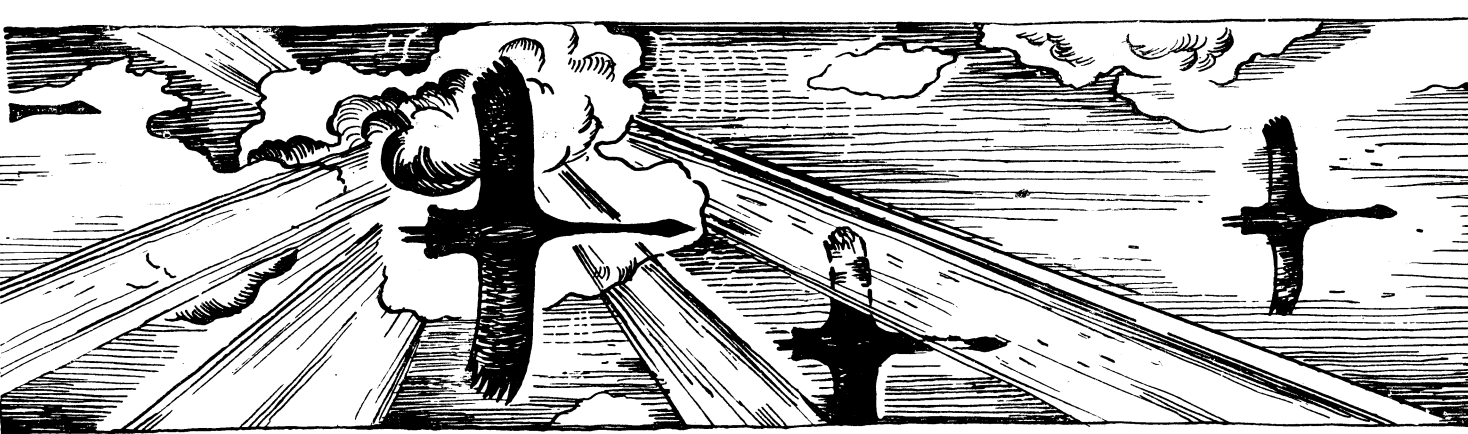
бедную точку и против нее цифру — 250 метров. Кавказ готов! Да, был у ребят и Кавказ. Как раз против лагеря громоздились друг за другом холмы. Казалось, один вырастал на плечах другого. Самый большой холм, как установила дешифровочная группа, местные жители окрестили Божьей горой. Тогда-то Володе и пришла в голову мысль покорить эту вершину.

Не так просто карабкаться вверх, цепляясь за редкие сухие кусты, и снова опускаться в седловину. И так раз за разом. Только от реки кажется, что холмы стоят вплоты друг к другу. Но вот последний подъем. Отсюда лагерь кажется уже не таким близким. Саша записал показания барометра, которые впоследствии дали эту вот цифру — 250 метров. Она стала высшей точкой на вычерченном профиле «пензенского Кавказа».

Если снимешь двухпудовую гиру с толстого альбома гербария и раскроешь его листы, то увидишь много интересных растений. Не так-то легко было отыскать их в пойме Суры. Борис Тельнов, начальник ботаников, гордится засушенными листьями валерьяны, пастушьей сумки и девясила. А 5 килограммов ландышевых листьев, вернувшись домой, сдали ребята в местную аптеку.

Рис. А. Панина

Нурлыча, потянулись к югу четкие треугольники журавлей. Как хорошо видны они в свежем, промытом октябрьскими дождями воздухе! И лес, облетев, стал сквозным, просвечивающимся. Заметишь издали маленькое оранжевое полушарье — и дрогнет радостно сердце. Уж не последний ли в этом году подосиновик! Подбежишь — нет! Это просто прилег бочком к обломленному еловому сучку осиновый листок. Одни запоздалые грузди стоят, не прячась, тут и там. В шляпках-блюдцах дождевая вода — пей, пожалуйста!

Впередсмотрящие! Много интересного расскажет вам черная тропа октября. Главный штаб «Голубых ракет» приглашает вас в последнее до первого снега, до перволедка путешествие по летнему маршруту.

Перелет птиц. Заметили вы что пернатые чаще всего останавливаются на ночлег на плевсах, приречных лугах — словом, поближе к воде, где можно и попить и подкормиться! Здесь поджидают их хищники, и множество драм и трагедий разыгрывается на мокром песке. Перелистать страницы этих песочных альбомов очень интересно. Но не всегда следы, оставленные птицами, четки. Тут надо позаботиться самим. Сначала, конечно, отыщите места у рек, прудов, родников, где больше всего любят останавливаться птицы. Аккуратно расчистите их от опавших листьев, корней, травы. Потом

выметите это место мокрым веником, покройте илом, извлеченным со дна реки, и посыпьте песком. Песочный альбом готов. Теперь каждая птица, которая прилетит к воде, каждый зверек, пробежавший вдоль берега, оставит на его страницах свой автограф. Приходите читать их утром. Прихватите с собой веник, чтобы, прочитав и перерисовав в вахтенный журнал следы зверей и птиц, смыть их вчерашние автографы, а на завтра прочитать свежие.

За лето вы уже присмотрелись к вашей речке. Берега ее то пологи, то обрывисты. Заросли прибрежной осоки приходят на смену песчаной глади. А то и задевает лицо спустившаяся к самой воде ветка ивы. Интересно сделать несколько песочных альбомов в разных и наиболее характерных с точки зрения рельефа и растительности местах реки. Тогда жизнь ее предстанет перед вами наиболее полно. И еще одно. Приманки. Разложите на вашем песочном альбоме различные зерна, кусочки хлеба, мелкие лесные ягоды, речную живность — в общем сами подумайте, что лучше положить. И посмотрите, кто придет отведать даров вашей скатерти-самобранки. Уверю вас, состав гостей будет очень интересный. Вооружившись биноклем, вы сможете увидеть занятные картины. Какие предосторожности принимают птицы, приближаясь к приманке! Кто из них что лю-

бит! Соперничают ли они между собой из-за оставленной вами пищи! Много интересных историй увидите вы. Не забудьте записать их и переслать в Главный штаб «Голубых ракет». Лучшие ваши рассказы будут напечатаны в нашем журнале. За них экипажи получат дополнительные очки.

Сейчас, когда в вашем музее скопилось много летних находок, не поздно пополнить его стенды осенними. Слышали вы о коллекции следов! Ее, оказывается, нетрудно собрать. Главное — терпение и любознательность. Выберите наиболее четкие отпечатки следов, оставленных на твердой глинистой почве. Наметьте квадрат или прямоугольник, посередине которых находится след, и осторожно острием ножа вырежьте их. Труднее всего вынуть квадрат так, чтобы он не надломился или не раскрылся.

Аккуратно удалите почву с одной стороны квадрата, затем подведите под него нож и подрежьте. Вырезанный квадрат лучше всего сразу подсушить на солнце, положив его на широкий кусок коры или фанерку. Вполне просохший кусочек обожгите на огне :о:стра — вот и готов новый экспонат для вашего музея.

Юные флотоводцы! «Голубые ракеты» бросили якорь. Но впереди еще много работы. Желаем вам успехов!

ТАЙНА

Много лет назад, когда мы были в Восточной Африке еще новичками, моя жена и я побывали в местах, известных теперь под названием Национального парка королевы Елизаветы. Мы остановились лагерем вблизи деревни Катве. Там я провел много времени с гиппопотами, которыми буквально кишели берега озера Эдварда.

Животные казались такими ленивыми и безбидными, что я без страха приближался к ним, и, когда звери делали короткую пробежку в моем направлении, я никоим образом не воспринимал подобную демонстрацию сколь-либо серьезно.

Конечно, мне очень хотелось иметь снимки этих животных на суше. Однажды мне представилась такая возможность. В поисках стада слонов мы набрели на гиппопотама, который забрел далеко от ближайшего водоема. Я оставил машину и пешком направился к мирно пасущемуся животному. Оно повернулось ко мне, хрюкнуло и потопало в сторону Казинга-канала, в двух милях от нас. Я бежал рядом с гиппопотамом и снимал его, когда мне удавалось забежать впереди животного. Подобное поведение было, конечно глупым, типичным лишь для новичка, но понял я это только две недели спустя. К этому времени мы достигли Национального парка в Конго. Я спросил главного надсмотрщика: какое дикое африканское животное считается наиболее опасным?

Без всякого колебания он ответил: гиппопотам.

Я был весьма удивлен. Мне и в голову не приходило, что жирный старый кибoko, так называет местное население гиппопотама, мог быть опасным зве-

рем. Если только для лодки, нечаянно стукнувшей о его спину?

— Да, — продолжал надсмотрщик, — гиппопотам — самое неуравновешенное создание из всех, каких я знаю. С тех пор как я стал главным надсмотрщиком в парке, двадцать четыре африканца были убиты гиппопотами, два слонами и ни один не стал жертвой льва или буйвола.

Спустя два года мы вновь оказались в районе Казинга-канала. На этот раз нам составляли компанию двое американцев, Уолли и Дик, занимавшиеся съемками телевизионных фильмов. Разъезжая в «джипе», мы натолкнулись на гиппопотама, который валялся в грязной луже. Уолли немедленно выбрался из машины, а Дик, профессиональный голливудский оператор, тем временем приготовился заснять его прогулку к зверю.

Гиппопотам тут же вылез из воды и припустился к американцу. Уолли побежал к «джипу». По пятам его преследовало разгневанное животное.

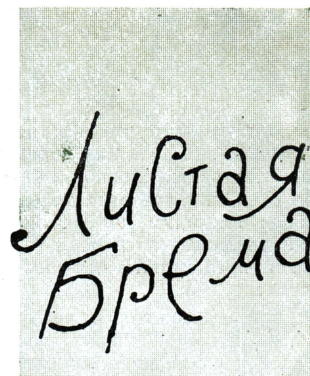
Моя «лейка» была наготове, и я успел сделать несколько снимков нападающего животного. Оно остановилось на полпути между лужей и машиной, поводил челюстями. Какое-то мгновение животное казалось совершенным чудовищем, поднявшимся из первобытного болота и бросившим вызов непрошеным гостям, потревожившим его доисторические сны. Злобно хрюкнув, гиппопотам стал отступать, сначала медленно пятясь назад, а затем повернулся и затопал к своей луже.

Однажды двое американцев пересекали реку в маленькой шлюпке, намереваясь заснять на пленку многочисленных гиппопотамов, которые не жили в неглубоких заводях. Я сидел на большой, нависшей над водой скале и ожидал появления крокодила, который каждый день выходил на это место. Я видел шлюпку, скользившую вблизи лесистого берега, и, поскольку мой крокодил не показывался, начал следить за действиями своих друзей.

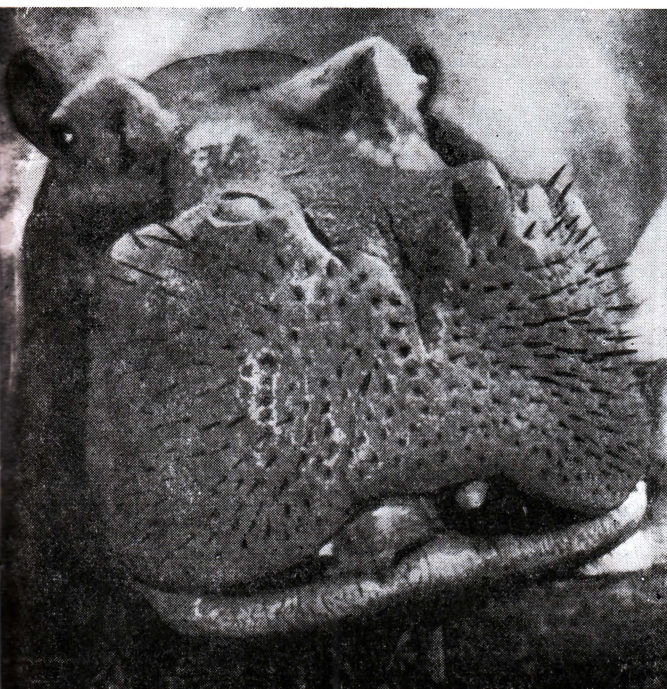
Неожиданно один гиппопотам шумно двинулся к реке и с громким всплеском погрузился в нее, почти подмяв шлюпку своим туловищем. Я со страхом подумал, что суденышко опрокинулось. Однако, приложив к глазам полевую бинокль, с облегчением увидел, что хрупкая лодочка осталась неповрежденной, а американцы поспешно отгребали от животного, сердито смотревшего им вслед и готового вновь перейти в наступление. Мои друзья далеко обогнули это место, не решаясь приблизиться к агрессивной самке, чьи крошечные детеныши лежали полускрытые кустами, окаймляющими речной берег.

Мы засняли на кинолентку и сфотографировали большого самца-гиппопотама, переходившего вброд болото, когда какая-то водяная птица опустилась прямо перед мордой кибобо. Как это ни покажется невероятным, неожиданное появление гостя до крайности испугало гигантское животное. Гиппопотам подпрыгнул на месте, неуклюже шархнул назад и сердито хрюкнул.

Когда я был в Национальном парке Цаво, меня спросил помощник егеря: «Хотите посмотреть носорога, убитого кибобо?»

К И Б О Б О

Я последовал за этим человеком, оглябая прозрачный водоем, из которого доносились всевозможные звуки, производимые примерно дюжиной гиппопотамов. Впереди, среди тростника, лежало туловище почти взрослого носорога, голова которого была наполовину погружена в водоем. Придя на водопой, животное, на свою беду, морда к морде столкнулось с выходящим из воды гиппопотамом. Огромные челюсти захлопнулись на левой передней ноге носорога. В разывравшейся под сверкающей африканской луной битве он был уничтожен ужасными клыками противника.

Что можно сказать о характере гиппопотамов? Большинству людей он представляется чем-то вроде смешного сановитого чиновника, слишком толстого и флегматичного, чтобы по-настоящему на что-нибудь рассердиться. И тем не менее иногда это животное может чуть ли не сойти с ума от страха при виде маленькой пичуги, а в другой раз со всей яростью наброситься и убить безобидно шествующего к воде носорога.

Как и у большинства других млекопитающих, в поведении гиппопотамов можно найти массу противоречий. Если у вас есть желание познакомиться с привычками этих животных поближе, то наилучшим местом для этого будут источники Мзима. Животные там настолько привыкли к посетителям, что не обращают ни малейшего внимания на человеческие фигуры, движущиеся по подмосткам, установленным для наблюдений над водой, которая столь прозрачна, что можно следить за поведением гиппопотамов не только на поверхности, но и под водой.

Гиппопотамы не плавают на поверхности, как это принято считать, а лежат, отдыхая на дне водоема. Каждые две или три минуты они поднимаются на поверхность и с шумом выпускают из легких воздух, нередко поднимая при этом фонтанчики воды. Затем они делают глубокий вдох и погружаются снова на дно. Максимум времени, которое гиппопотам может пробыть под водой, вероятно, равняется четырем минутам.

Ловкому фотографу удастся иногда заснять этих животных в тот момент, когда они раскрывают свою пасть в широком зевке. Специалисты по изучению психологии животных выдвигали одно время теорию, согласно которой эти зевки являются в действительности угрожающими демонстрациями, чтобы напугать и отогнать незваных гостей. Гиппопотамы устрашающе оскалывают свои клыки, их челюсти открыты до предела и остаются некоторое время в таком положении. С подобными картинками я встречался много раз, но убежден, что в подавляющем большинстве случаев гиппопотам открывает свою пасть действительно для зевка. Челюсти у него раздвинуты не так широко и закрываются быстрее, чем при настоящей «демонстрации угрозы».

Когда наблюдаешь этих животных под водой, то можно видеть, что они передвигаются по дну так же, как бродят по земле. Преследуя друг друга, животные переходят на «галоп» и, набрав достаточную скорость, проплывают значительные расстояния. Их спины, находящиеся близко к поверхности воды или чуть-

чуть выступающие из нее, поднимают крупные волны. Можно увидеть, как отдельные животные выпрыгивают из воды, словно дельфины.

На суше гиппопотамы менее подвижны. Своими короткими толстыми ногами они не в состоянии перепрыгнуть даже узкую канаву, а ограда в 12 дюймов высотой представляет для них вполне серьезное препятствие.

Ступни — каждая с четырьмя пальцами — поставлены широко, они оставляют следы, представляющие две параллельные борозды с невысоким гребешком посередине.

Как правило, гиппопотамы весь день проводят в воде. Если им ничто не угрожает, они могут выбирать на песчаные берега и в течение нескольких часов нежиться на солнышке.

Ночами животные выходят пастись. Им особенно по вкусу травы, травянистые растения. Когда я стоял лагерем близ озера Эдварда, я часто слышал, как гиппопотамы энергично ошипывали траву неподалеку от моей палатки. Какое же количество растительности истребляют эти громадины?

Бельгийский зоолог Р. Верхеен, который в течение семи месяцев изучал повадки гиппопотамов в парке Конго, пришел к выводу, что взрослый гиппопотам поедает за день не более 60 килограммов сухой травы и других растений. Если предположить, что в среднем 10 тысяч гиппопотамов, обитающих у Казинга-канала, поедают в сутки всего лишь по 40 килограммов травы каждый, то получится, что ежедневно (точнее, еженощно) эти животные потребляют 400 тысяч килограммов растительности.

Едва ли покажется удивительным тот ущерб, который был нанесен пастбищам в Национальном парке королевы Елизаветы.

Несколько лет назад один известный специалист по изучению жизни животных, внимательно наблюдая за гиппопотами, пришел к выводу, что каждая группа этих зверей охраняется большим самцом.

По его утверждению, властвующий самец отвечает не только за отрезок реки, где животные обычно отдыхают, но и за пастбища. Согласно его наблюдениям территория пастбища всегда имела грубо очерченную грушеобразную форму с узким концом, выходящим к воде. Предполагалось, что бык отмечает эту территорию кучками навоза, чтобы предупредить любого другого самца, вздумай тот переступить эту границу. Если же тот на это не обращает внимания, бык-глава атакует непрошеного гостя и изгоняет его.

Такая точка зрения была широко распространена до тех пор, пока бельгийский ученый Верхеен не выдвинул совершенно другую версию. По его словам, он нанес на карту много дорожек, проложенных гиппопотами, но нигде не обнаружил даже подобия пастбища грушеобразной формы. Согласно наблюдениям над различными группами животных он пришел к выводу, что над животными не господствовал и их не защищал никакой бык, а что их организация носила явно выраженный матриархальный характер.

Главным звеном в семействе гиппопотамов была, согласно утверждению бельгийского зоолога, «детская комната», защищаемая самками. У самцов же имелись места отдыха около стоянок, где располагались самки, детеныши и подростки, и лишь эти места отдыха самцов-гиппопотамов можно считать их «территорией».

Там, где отдыхает бык-гиппопотам, он может примириться с присутствием лишь самки, но никогда с другим самцом или даже теленком. Самец-гиппопотам, который может облизывать теленка, встретив того на суше, с ожесточением нападает на него в воде. Однако, в свою очередь, он может подвергнуться нападению разъярившейся матери.

Кто же из двух исследователей прав? Пока неизвестно. Так же как и все животные, кибобо имеют свои тайны.

Чарльз ГАГГИСБЕРГ

Перевел с английского И. ЮРЬЕВ

„ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА“

Знаете ли вы, что когда-то под Одессой жили страусы! А что такой зубастый хищник, как крокодил, в некоторых местах Африки охраняется законом, потому что он, как санитар, очищает реки от полудохлых рыб, разносящих заразу!.. Писатель И. Акимущин уже не раз рассказывал на страницах «Пионерской правды» о повадках диких животных. В будущем году он и другие ученые-биологи продолжат рассказ об удивительных особенностях животных.

Оказывается, совсем не обязательно пересекать экватор, чтобы попасть в джунгли. Достаточно выйти за порог дома, взять в руки лупу, а лучше фотоаппарат с набором переходных колец. И ваш глаз станет таким всевидящим, что вы удивитесь

тому, как сложна и интересна жизнь мухи, муравья, музыканта-кузнечика в травяных джунглях у тебя под ногами.

Знаете ли вы, что в нашей стране насчитывается сейчас полмиллиона лосей, полтора миллиона сайгаков, пятьдесят тысяч бобров! А численность соболей — небывалая: она выше, чем была в XVI—XVII веках! Чтобы ты мог разумно распоряжаться природными кладами, «Пионерская правда» поведет разговор об охране природы. Ученые помогут тебе советами, как лучше защитить лес от браконьеров, как охранять реки от загрязнений, как собирать лекарственные растения.

«Пионерская правда» поведет репортаж о том, как «эстонка» — этот гибрид капусты с брюквой — переселилась в Сибирь, как ребята Белоруссии на своих юннатских участках «приручают» гречиху, и о многих других юннатских делах.

А для любителей цветов газета объявила в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина цветочную эстафету. Самые красивые цветы будут высажены во всех уголках нашей Родины.

Зубной врач:

КАКОЙ ВАС ЗУБ БЕСПОКОИТ!

лягушки, жабы, ящерицы... Мы часто сталкиваемся с ними в лесу и в поле, на пашне и на огороде, в пруду и соседней речке.

Но я думаю, что некоторые из вас знают о них лишь кое-что.

Вот идет по лесу турист. Крепкий, здоровый парень с палкой в руке. Вдруг из-под его ног выпрыгнула лягушка. Вы представляете себе — маленькая, беспомощная лягушка, даже лягушонок. Парень брезгливо нахмурился. Остановился. Сидит лягушонок в траве, притаился, а рядом стоит эдакий «дядя». И лягушонок его, видите ли, испугал. Палка неумолима: она опускается несколько раз. Парень идет дальше. А от лягушонка остается только мокрое место... Было совершено убийство! Да, да! Самое настоящее, жестокое и бессмысленное, никому не нужное убийство! Чем помешал этому парню несчастный маленький лягушонок? Чем?

Многие люди почему-то брезгут лягушками и особенно жабами. Другие боятся их. Я не говорю уж о змеях. Их просто ненавидят! Хотя большинство змей не ядовиты, преследуют их всех, без всякого разбора. Встретившись где-нибудь даже с ужом, полозом, медянкой, с жабой или лягушкой, такой «дядя» с палкой обязательно вступит с ними в «единоборство», которое, конечно, кончается его полной и позорной победой!

Стыдно сказать, но таких варваров я встречал и среди юных натуралистов, которые отдали свою любовь птицам, млекопитающим или растениям и тоже не умеют отличить ядовитую змею от безвредной, считая всех гадюками.

Многие боятся лягушек и жаб. Особенно девочки. Они оглушительно визжат, когда на мокром лугу или в пруду неожиданно столкнутся с лягушкой.

Откуда же эти ничем не оправданные чувства? Неприязнь, брезгливость, страх к этим полезным и в общем очень милым и приятным животным? Откуда?

Я думаю, что происходит это от незнания.

Всякий, кто преследует и убивает лягушек и жаб, ящериц и змей, должен знать о той огромной пользе, которую они приносят, охраняя людей от многих вредных животных, например от крыс, полевок, мышей, сусликов, которые не только вредят сельскому хозяйству, но и распространяют различные тяжелые инфекционные болезни. Мало кому известно, что все пресмыкающиеся и земноводные истребляют также насекомых — врагов наших лесов и огородов. Значит, они полезны? Безусловно!

Но ядовитые змеи? Говорят, что они набрасываются на человека и кусают его. Змея первой никогда не нападет на человека. Наоборот, увидев или услышав его, она всегда уползет и спрячется. Змея кусает человека, только обороняясь.

Очень много еще ходит в народе неправдоподобных рассказов и легенд. Я несколько раз слышал, что жабу нельзя трогать руками: тогда у человека, мол, будут бородавки. Но никто и никогда сам не видал человека, который взял бы жабу в руки и у которого действительно появились потом бородавки.

У меня дома уже давно живут две жабы. Я часто беру их в руки. И никаких бородавок у меня нет и никогда не было. Все это выдумки!

Очень полезное дело сделали наши польские друзья, выпустив серию почтовых марок с изображением пресмыкающихся и земноводных, обитающих в Польше. Все эти животные встречаются и у нас.

Мы печатаем сегодня только восемь марок из этой серии.

Посмотрите на них внимательно.

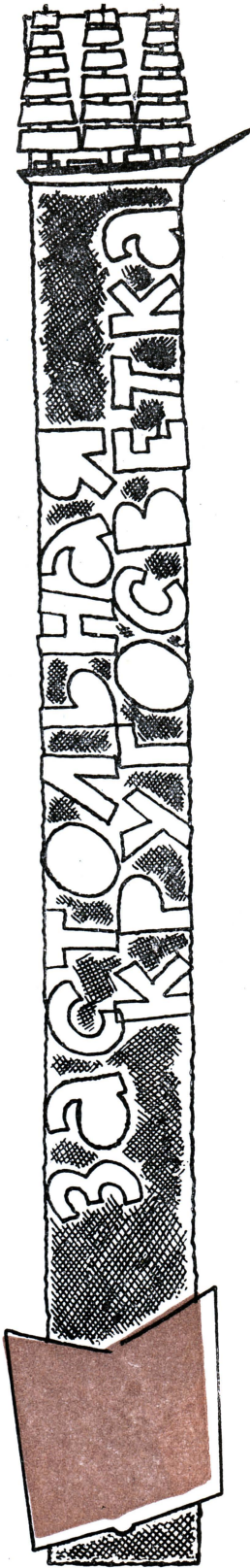
Очередной тур викторины открывается вопросом:

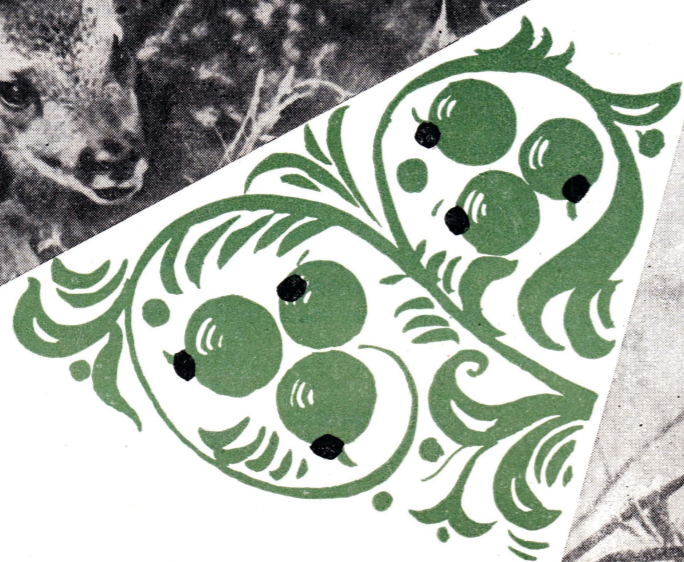
Чем отличаются пресмыкающиеся от земноводных и какие животные, изображенные на марках, относятся к тем и другим?

Второй вопрос: какие ядовитые змеи обитают в вашем районе и как отличить их от неядовитых? Если вы городской житель, то в своем ответе укажите тех змей, которые живут на полях, лугах и в лесах, окружающих ваш город или поселок.

И наконец, последний вопрос: чем полезны животные, изображенные на марках?

С. КЛУМОВ,
старший научный сотрудник Института
океанологии АН СССР

Кто по одному только запаху может определить — круглый предмет перед ним или пирамидальный? Тайну каких исчезнувших цивилизаций хранят немые каменные идолы острова Пасхи? Передается ли походка по наследству? Правда ли, что голубое небо кажется стрекозе множеством черных квадратиков? Какая птица любит чай? Чем знаменит курильский водопад «Илья Муромец»? Как научиться гипнозу? Полезны сновидения или нет? Нужно ли строить танкеры в форме китов? Имеют ли знаки зодиака вещей смысл? Думают ли цветы? Кто может жить без воды? У какой рыбы есть перископ? Чем может помочь муха, ползущая по потолку, альпинисту? Кто жи-

вет выше всех? У птенцов какой птицы существуют естественные лампочки, которыми они сигнализируют родителям о голоде даже ночью? Как обезьяны научились считать? Как осы делают консервы? Где находится лаборатория гроз? Любят ли мартышки пиво? Какие листья рождают молнию? Чему учат в школе йогов? Почему лягушка не видит неподвижных предметов?

ОБО ВСЕМ ЭТОМ И МНОГОМ-МНОГОМ ДРУГОМ РАССКАЖЕТ ТЕБЕ ЖУРНАЛ «ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ» В 1966 ГОДУ. ПОМНИ, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

Рис. А. Тюрина

П. СМОЛИН

В Подмоскowie водится одна «змея», которая вносит путаницу в умы не слишком искушенных в зоологии людей. Они называют ее медянкой, считают очень ядовитой и боятся. Но у этой «змеи» отламывается хвост, глаза закрываются веками, а язык у нее в форме лопатки. Все эти признаки выдают ее с головой. Это не ядовитая змея, а совершенно безобидная ящерица медяница, или веретенница, утерявшая ноги.

Наша скромная веретенница может с полным правом гордиться древностью своего рода: во Франции найдены остатки скелета эулозавра, который жил не менее 140 миллионов лет тому назад. А остатки другой далекой родни веретенницы — ящерицы экзостинуса — относятся ко временам, отдаленным от нас на 100 миллионов лет. Третий ее «родственник» жил в Европе около 50 миллионов лет назад, а четвертый существует по сей день в горах Гуан-си в Южном Китае.

Очень интересны совсем далекие предки веретенницы — ядовитые ящерицы ядозубы, живущие на юге Северной Америки, укус которых смертелен для человека.

А исполинские ящерицы вараны?

С них-то и начинаются оживающие легенды.

Ископаемые остатки варанов находят в пластах мелового периода. Серый варан — самая крупная ящерица, встречающаяся на территории нашей страны. Это полуметровые пресмыкающиеся наших среднеазиатских пустынь. Но среди варанов он карлик.

В Индии, Южном Китае, в Индонезии и на островах Тихого океана встречается трехметровый полосатый варан карбогония. Но есть и более крупные.

В 1912 году один летчик, совершив вынужденную посадку, оказался на маленьком островке Комодо, затерянном среди малых Зондских островов. Долго не верили потом его рассказам, что на острове водятся гигантские ящерицы, пожирающие оленей, свиней и коз. Попытались они нападать и на лошадей. Но специальные экспедиции Богорского ботанического сада, а позднее индонезийских ученых, в состав которой вошли и советские герпетологи (специалисты по пресмыкающимся), подтвердили это. Были пойманы вараны четырехметровой длины.

Австралийские палеонтологи в штате Квинсленд

МОРСКОЙ ЗМЕЙ?

в плейстоценовых слоях, конец которых отделен от современности 11 тысячами лет, обнаружили остатки 10-метрового варана. Одиннадцать тысяч лет по сравнению с миллионами — это почти сегодняшний день. Можно было ждать встречи с живыми ископаемыми. И вот в 1939 году по рельсам железной дороги австралийского штата Новый Южный Уэльс, по соседству со штатом Квинсленд, двигался поезд. Вдруг неожиданная остановка... Машинист заметил громадное бревно, лежащее на рельсах. Поезд приблизился вплотную, и пас-

ПЛЕЗИОЗАВР?..

сажиров охватил ужас: поперек рельсов лежало громадное пресмыкающееся и наслаждалось теплом розогретого солнцем железа. Испуганные пассажиры выглядывали из окон, но выйти из вагонов не решились. Кончилось дело тем, что вконец перепуганный машинист повел поезд задним ходом.

Долго и упорно искали потом огромную загадочную ящерицу, но так и не смогли обнаружить. Нашли только громадные следы какого-то животного. С них сделали слепки и послали на заключение специалистам. Определили, что это следы крокодила или

какой-нибудь крокодилийей ролни. А сам сухопутный крокодил пока еще в руки ученых не попал.

Герпетологи вместе с палеонтологами установили, что у варанов была и морская родня: гигантские морские ящерицы мозазавры от 2 до 12 метров длиной.

Сохранилось ли что-нибудь от мозазавров? И здесь мы опять встречаемся с оживающими легендами древности.

Сотни лет среди самых различных мореплавателей бытует легенда о гигантской морской змее. Трезвые, критически настроенные зоологи посмеиваются над чудачками, пытающимися собирать сведения об этом диковинном морском чудовище. Еще бы! Ведь все современные гигантские змеи — сухопутные. Только колоссальный удав анаконда связан с пресными водами Южной Америки. Правда, палеонтологи обнаружили ископаемые остатки гигантских морских змей, родичей современных удавов и питонов, которые жили 70—40 миллионов лет назад и достигали 6- и даже 12-метровой длины. Их остатки найдены в Африке, Европе, Северной Америке. Не исключено, что некоторые видели родичей этих гигантов, доживших до наших времен. В других же случаях, очевидно, видели не «морского змея», а животных, очень далеких от настоящих змей.

Лето 1849 года. Зеркальная гладь Калифорнийского залива. Прозрачная вода позволяет на 10—15 метров в глубину рассмотреть дно прибрежного мелководья. Увлеченный этим занятием, капитан Хоуп вдруг увидел нечто совершенно диковинное: по дну ползло громадное животное, несколько напоминавшее огромного крокодила. Но у чудовища была очень длинная шея, а вместо лап — ласты. Время от времени оно принималось плыть. И тогда взмахивало особенно длинными передними лапами, словно морская черепаха.

К этим наблюдениям можно добавить сотни других. Только за 30 лет — с 1818 по 1848 год — были 82 встречи с гигантскими морскими животными. В 1817 году в районе восточного побережья США и Канады громадное, 27-метровое, змееподобное животное видели сотни человек. О морской змее есть обстоятельная монография Удемаса, в которой

600 страниц текста, 82 иллюстрации и 350 ссылок на литературу. Большую книгу, посвященную этому же вопросу, написал опытный исследователь, английский капитан второго ранга Томас Гоулд. Эта книга выдержала несколько изданий, последнее из которых было выпущено несколько лет назад.

А вот еще одно совсем недавнее сообщение.

У берегов Квинсленда, близ острова Брайби, несколько человек видели какое-то странное животное, имевшее массивное тело, длинную лебедеобразную шею и маленькую голову. Два плавника виднелись на туловище около начала шеи, а два других были заметны около хвоста. Длина животного, которое «лениво играло на поверхности воды», была около 5—5,5 метра. Это сообщение опубликовано в научном американском журнале «Морские рубежи» в феврале 1963 года. Причем автор статьи указывал, что квинслендские ученые сказали ему, что это наблюдение не единственное. В течение последних лет они получают много сообщений о подобных наблюдениях.

Бельгийский зоолог профессор Бернар Эйвельманс говорит сейчас большой, многотомный труд, в котором будет опубликовано и рассмотрено более 600 случаев наблюдений «морского змея». Эйвельманс говорит, что эти наблюдения относятся не к одному, а к нескольким различным видам животных. Профессор пишет: «Многолетние споры ученых — существует ли «морской змей»? — позади. Сейчас всех волнует уже другой вопрос: «Что он собой представляет?»

Таким образом, Эйвельманс не оставляет сомнений у читателя в том, что какие-то крупные, неизвестные еще людям морские животные существуют. Нам кажется, что описания встреченных морских животных можно разделить на пять групп. К первой можно отнести крокодилоподобное животное около 20 метров длиной с лапами вместо лап, с длинной заостренной пастью. Оно больше всего напоминает кого-нибудь из мозазавров — чудовищных родичей варанов.

Капитан Хоуп видел животное, похожее на обитателей океанов и морей мелового периода — плезиозавров, живших около 80—100 миллионов лет тому назад.

Лондонские зоологи в 1905 году видели змееподобных животных, на спине которых был плавник.

К четвертой группе можно отнести змееподобное животное, длинное тело которого вертикально извивается при плавании. И наконец, к пятой — свидетельства команды лайнера «Санта-Клара», видевшей в декабре 1947 года змееподобное животное, которое не имело ни ластов, ни плавников.

Становится ясно, что под именем «морского змея» объединено несколько различных гигантских морских животных, не известных науке. Ими могут оказаться три группы пресмыкающихся, которые известны палеонтологам по ископаемым остаткам. Это мозазавры — крокодилоподобные ластоногие ящеры; плезиозавры — змеешее ящеры, и настоящие морские змеи — родичи удавов. Есть и еще одно животное из числа рыб — гигантский угорь, почти двухметровая личинка которого была поймана датской экспедицией в 1930 году на юге Атлантики.

Интересно, что есть и пресноводная родня морских чудовищ. Неизвестных животных видели в шотландском озере Лохнесс. Предполагают, что такие чудовища могут быть в шотландских озерах Лох-Шина и Лох-Мораре, а также и в канадских озерах Похенгамук, Манитоба, Бейкери, Оканоган и многих

других озер Норвегии, Швеции, Франции, Южной Африки и т. д.

Большой интерес советских читателей, слушателей радио и телезрителей вызвали сообщения о чудовищных обитателях в озерах Якутии. Последние данные по этому вопросу разноречивы.

На озеро Ворота и прилежащую к нему целую систему других озер (Нижнее, Верхнее, Ястребиное и др.) в 1962, 1963, 1964 годах были организованы самостоятельные экспедиции. Некоторые из них вернулись ни с чем, другие же были свидетелями каких-то странных явлений, когда над водой появлялись неизвестные крупные предметы. Они передвигались, ныряли, вновь появлялись и снова погружались под воду. Такие наблюдения, сделанные и в 1963 и в 1964 годах, переключаются с тем, о котором рассказали геолог Твердохлебов и его помощник Башкатов в июле 1953 года. Но что еще интересно: совсем недавно один из старейших штурманов полярной авиации Главсевморпути, В. И. Аккуратов, сообщил, что во время своих многочисленных полетов над необжитыми просторами еще в 1938—1939 годах он не раз сам видел каких-то крупных животных на берегах якутских озер. Когда же пилот переводил самолет на бреющий полет, чтобы как следует рассмотреть этих животных, они скрывались под водой. Что это были за животные — пока не ясно.

Одни ученые усиленно пропагандируют тему о неизвестных науке животных. Другие же не желают признавать того, что не подтверждено вещественными научными данными. Ведь до сих пор не найдены части скелета, черепа, шкуры животных.

Кто же прав? Правы и те и другие. Если бы наука основывалась на непроверенных сообщениях, она бы перестала быть наукой. С другой стороны, если наука будет признавать только то, что хорошо и твердо установлено, она перестанет двигаться вперед и, таким образом, тоже перестанет быть наукой.

Предположим, что правы те ученые, которые признают существование не известных науке животных. Тогда чем же можно объяснить то, что этих животных так редко видели на поверхности воды? Ведь они должны как-то дышать?

У водных пресмыкающихся обнаружены специальные приспособления к длительному пребыванию под водой. Так, у дальневосточной мягкокожей черепахи трионикса есть особые выросты в глотке, богатые кровеносными сосудами. Они служат своеобразными органами дыхания. У других водных черепах эту роль выполняют анальные пузыри.

Как выяснилось недавно, у крокодилов есть физиологические приспособления, которые позволяют им экономно расходовать воздух. Крокодилы часами могут оставаться под водой.

Морские гиганты мелового периода имели еще более совершенные приспособления к дыханию в воде. Это позволяло им быть редкими гостями на поверхности морей и океанов.

Встречи с такими животными, естественно, носили и носят случайный, эпизодический характер и выпадают по преимуществу на долю людей, тесно связанных с морем, но малоискусственных в зоологии. Все это в какой-то мере объясняет определенное недоверие к рассказам очевидцев и скептицизм зоологов, которым люди малосведущие в этой науке не могут представить четко систематизированные научные доказательства. Но и сомневаясь в чем-то, наука ищет.

ПЕВЕЦ РУСИ

Ночь. Слышны только мягкие шаги лошадей, спускающихся на водопой. На берегу — мальчик. Ночью луна при тихой погоде стоймя стоит в реке. Когда лошади пили, ему казалось, что они вот-вот выпьют луну, и он радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов.

Не всякому дано так видеть природу, как видел ее этот рязанский мальчик — будущий поэт Сергей Есенин.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Да, поистине стозвонным был для Есенина родной край. Это не случайно. Родился Сергей Есенин в деревне, и на всю жизнь очаровали его просторы рязанских земель. «...Жил-был под Рязанью, в деревне Константиново, на берегу Оки крестьянин Александр Есенин со своей женой Татьяной. И вот родился у них сын. Нарекли его Сергеем. Событие это произошло 21 сентября 1895 года... Рос озорным и непослушным... Ездил с ребятами в ночное. Стихи

начал слагать с малых лет. Сперва подражал частушкам. Потом песням. Потом просто сам по себе». Так вспоминал впоследствии поэт о своем детстве.

В этих словах весь Есенин, который не мыслил себя вне природы, без русской напевной народной поэзии. Именно благодаря им кажется, что стихи его слагаются «сами по себе». В них слышится то плач иволги, то теньканье синицы. Перед глазами возникают картины тихого русского вечера, когда «выткался на озере алый свет зари», уснувшей реки, в которую «желтые поводья месяц уронил».

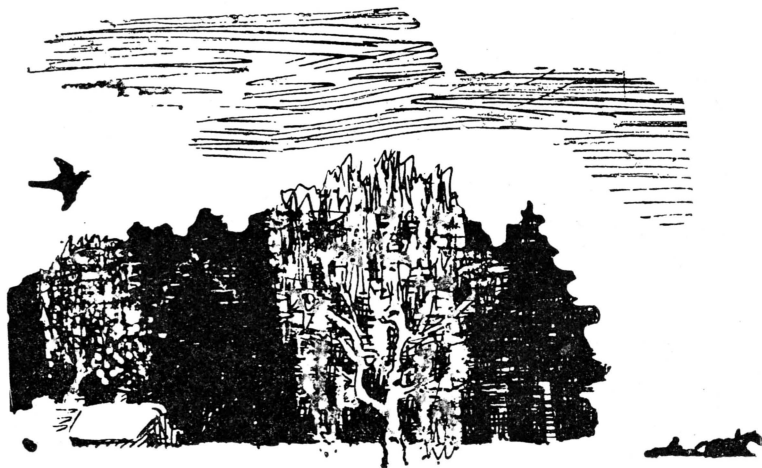
Возвратясь из поездки по Европе и Америке, поэт говорил друзьям: «И так мне противно и тошно стало, просто немоготу. Каждый день во сне вижу — то деревню, засыпанную снегом, то деда, то бабу с черным котом... Нестерпимо тянуло домой. На родину. Где так хорошо. Так сказочно. Дивно. Прекрасно. Обворожительно. Бесподобно. Волшебно. Восхитительно...»

В жизни и в стихах любовь к природе тесно переплеталась у Сергея Есенина с трогательной нежностью к животным. Василий Иванович Качалов вспоминает такой эпизод: «Я отыграл спектакль, прихожу домой... слышу радостный лай Джима... Я вошел и увидел Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одной рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: «Что за лапа, я сроду не видел такой...» Через некоторое время появилось известное стихотворение «Собаке Качалова»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, такую лапу не видал я сроду...»

Но самые нежные, самые проникновенные слова посвятил Сергей Есенин любимой родине:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть Земли
С названьем кратким «Русь».

В. НАЛЕПИН

Советы Опыты Задания

Пройдитесь по саду или парку да посмотрите внимательно, нет ли на ваших деревьях дупел. Чем раньше вы заделаете дупло, тем лучше будет для дерева. Дупло зачистите до здоровой древесины и после этого обработайте 3-процентным раствором медного купороса, то есть 300 граммов купороса возьмите на ведро воды (10 литров). Вместо этого состава можно обработать дупла и 5—6-процентным раствором железного купороса (500 граммов на 10 литров воды).

Если дупло большое, заполните его еще щепнем и залейте цементом. А если маленькое, то закройте деревянной пробкой и обмажьте садовым варом.

Известно ли вам, о каком нашем деревце больше всего песен сложили? Рябине!

Особенно нарядна рябина осенью. Огнем горят ее гроздья сквозь ажурную листву. А как вкусна рябиновая пастила! И приготовить ее нетрудно. Хорошо и варенье из рябины.

Хотите собрать рябину величиной с вишню? Посадите мичуринский сорт Гранатная! Обильными урожаями выделяется и другой сорт И. В. Мичурина — Бурка. Особенно же сладки и приятны на вкус плоды мичуринского сорта Десертная. Все они очень зимостойки и уже на второй-третий год после посадки дают плоды.

А знаете ли вы, что листья рябины помогут вам сохранить урожай картофеля?

Были проведены опыты, и оказалось, что мелко изрубленные листья рябины предохраняют картофель от порчи. Для сохранения ста килограммов картофеля, заложенного на хранение, можно взять всего триста граммов рябиновых листьев и пересыпать ими картофель.

В Подмоскowie, да и во многих других местах плодовые деревья лучше сажать весной, а не осенью. Но вот привезли в школу саженцы поздней осенью. Как же сохранить их до весны?

Прежде всего на сухом участке надо выкопать канаву глубиной и шириной сантиметров 50—60. Одну ее стенку — южную — сделайте отвесной, а вторую — северную — наклонной, под углом примерно 45 градусов. Причем, вынимая землю из канавы, складывайте ее над наклонной стенкой так, чтобы она стала еще выше. На эту стенку, как на мягкую перину, уложите стволиками саженцы — в один ряд, чтобы корни их свободно разместились в канаве.

Теперь засыпайте их почвой, потряхивая за стволки, чтобы между корнями не оставалось пустот. Почву тщательно уплотните, особенно возле стволиков. Если она сухая, полейте. Кстати, засыпая канавку, берите почву с другого места, а не ту, что уложили над южной стенкой. Нужно, чтобы саженцы были засыпаны землей до половины или третьей части длины.

Вот и готова удобная зимовка для наших малышей саженцев. Надо только защитить их еще от злейших врагов — мышей. Для этого между стволами и ветвями наложите побольше лапника — колочих словых ветвей.

А когда ляжет в саду глубокий снег, не забывайте проведывать своих зимовщиков. Вокруг них в снегу сделайте тропинку и почаще утаптывайте ее: это тоже для мышей преграда, ведь они ходят под рыхлым снегом. Еще лучше, если вместо тропинки вы с осени выкопаете канавку с отвесными стенками, а зимой будете очищать ее от снега.

Ну, а о том, чтобы не перепутать сорта, вы, конечно, позаботитесь: заранее привяжите к привезенным деревьям этикетки. Можно обернуть их в целлофан, чтобы надписи за зиму не стерлись.

Соберите и высушите помидорную ботву. Отвар из измельченной ботвы поможет вам бороться с различными гусеницами, тлями.

Ваше варенье не засахарится, если во время варки вы добавите сок лимона.

Глубокая осень. Кто сейчас вспомнит об одуванчике, когда и последние цветки его уже отцвели и плоды — пушистые шарики — давно растаяли бесследно? Оказывается, именно сейчас одуванчик стал настоящим лекарственным растением. Пришла пора выкапывать его корни. Из них для больных приготовят настойки, чтобы вылечить их от желудочно-кишечных заболеваний. В пищевой промышленности они будут служить сырьем для суррогата кофе.

Корни освободите от всех надземных частей, тщательно обмойте и сушите до тех пор, пока при надрезах не перестанет выделяться млечный сок.

Растет у нас травянистое растение из семейства бобовых. Его называют лакричник, или солодка. Известны 12 видов солодки, но только два — солодка уральская и солодка голая — применяются как лекарственные растения.

Солодка голая растет по солонцеватым степям Дагестана, Северного Кавказа, в Азербайджане и Средней Азии, вдоль степных рек. Солодка уральская — в степях Казахстана, Сибири и Урала.

Солодковый корень в медицине используется для приготовления очень многих лекарств. Используют его и в табачной и пищевой промышленности для приготовления разных экстрактов и даже для зарядки огнетушителей. В корнях солодки есть сахара, глюкоза, крахмал, соли глициризиновой кислоты.

Осенью выкапывают корни высокого девясила. У него крупное темно-бурое корневище. Хорошо отмытое, нарезанное вдоль и просушенное, оно используется в медицине как тонизирующее средство. Содержит много инсулина, ценное эфирное масло. Девясил называют еще дивосилом, диким подсолнечником, луговым аманом, животной травой, майником. Он растет на сыроватых лугах, по берегам рек и между кустарниками от Ленинграда до Кавказа и Средней Азии.

Плоды шиповника, корни айра, дубровки, алтея и валерьяны в октябре еще можно собирать. Их у вас примут заготовители потребительской кооперации.

Черная смородина — настоящая копилка различных витаминов. Большой интерес представляют новые алтайские сорта, такие, как Голубка, Алтайская десертная, Дочь Алтая, Чемпион алтайский, Зоя, Черная Лисавенко, Осенняя алтайская, Кокса, Синяя, Длиннокистевая.

У этих сортов ценная особенность. Они хорошо цветут и самоопыляются в холодную погоду, которая часто бывает во время цветения черной смородины. Не нуждаются они и в помощи насекомых и всегда дают высокий урожай.

Очень интересен сорт Голубка. Его ягоды богаты фолиевой кислотой. Много в ягодах и витаминов С и Р.

Малина сорта Калининградская обращает на себя внимание очень крупными размерами и хорошим вкусом. Кусты у нее до двух метров высотой, побеги толстые, прямые. Сорт очень урожайный. Лучшее всего малину высаживать в защищенном месте, под снежным покровом она зимует хорошо.

Среди ранних сортов малины ценными качествами выделяется сорт Новость Кузьмина. Он зимостойкий, урожайный. Ягоды созревают рано. Они крупные, густо опушенные, сладкие, ароматные, красивой темно-красной окраски.

Будете вы довольны и таким сортом малины, как Урожайная.

От сильного мороза яблони погибают. Говорят: они вымерзли. Но вот ученые рассмотрели внимательно ветки в микроскоп и сказали: не вымерзли яблони, а высохли. Как же так? А точно так же, как высыхает на морозе белье. Влага ушла из живых клеток побегов, превратилась в лед, и клетки без нее погибли. Если же заранее дать им влаги вдоволь, они выжили бы.

Садоводы давно это знают, вот и поливают яблони перед самым приходом зимы, да так обильно, как летом ни разу не поливали, пока почва не перестанет впитывать воду. Дерево насытится влагой, и морозу не так-то легко будет его высушить.

СОВЕТЫ, ОПЫТЫ, ЗАДАНИЯ

НАЙДИ,
ПОСМОТРИ,
ПРОВЕРЬ

„ЖУРАВЛИНЫЙ ПРОГНОЗ“

Если вы заметили «ключ» пролетающих с гнездовий на юг журавлей, услышали их переключку в воздухе — курлыкание, можете быть уверены, что завтра или через день-два наступит резкое похолодание с возможными заморозками. Если погода в тот день, когда был замечен отлет журавлей, стояла пасмурная, дождливая, то следует ожидать смены погоды на солнечную, ясную и холодную.

Правда, «журавлиный прогноз» действителен только для северных областей, запада и средней полосы Советского Союза. Для более южных местностей раннеосенние птичьи прогнозы оправдываются не всегда.

Чем же объяснить «журавлиный прогноз»? Журавли гнездятся в глубине труднодоступных болот и питаются главным образом лягушками. Для журавлей, как и для других перелетных птиц, сигналом к осеннему отлету на юг является не холод, а наступающая бескормица.

Отправившись в далекое путешествие на юг, журавли, однако, не спешат и, отлетев за пределы волны похолодания и заморозков, останавливаются, кормятся до тех пор, пока новая волна холода (а с нею и исчезновение лягушек) не прогонит их с этого места.

Бывают годы, когда уже вторая волна холода заставляет всех журавлей покинуть места гнездовий. Волны же холода всегда происходят при высоком стоянии барометра, что сопровождается ясной, безоблачной погодой. Вот почему вскоре (а иногда и в тот же день или назавтра) после замеченного пролета журавлиных стай наблюдается солнечная погода с заморозками.

Народ давно заметил связь отлета журавлей с предстоящей погодой и отразил это в приметах. Известны такие приметы: если журавли на юг полетели рано, ожидай в этом году ранней зимы, если журавли летят высоко и «разговаривают», летят не спеша — хорошая осень простоят еще; если летят низко и быстро, молчком — скоро наступит ненастье; если много журавлей в «ключе» летит и спокойно — к тихой солнечной погоде, но с заморозками, а если помалу и быстро — к надвигающемуся ненастью с ветром. Проверьте эти приметы, ребята!

Фенолог С. ХОМЧЕНКО

НАВСЕГДА УЛЕТЕЛИ,

Низкорослые кусты ивняка смиренно скрылись в воде. Залитые по пояс, тонкие, полюбуженные березки стыдливо прикрывались коричневыми ветками, а кражистым дубкам илистая вода доходила до колен, и они бодро шуршали редкими прошлогодними листьями.

Знобкой ночью, густой и липкой, как черная гуашь, мы со старым учителем Петром Ивановичем Небензеем сидели на берегу разлившегося Сейма у костра.

В котле, подвешенном на две рогатки из свежесрубленной ольхи, варилась уха. Шипели и потрескивали смолистые сосновые сучья. Воровато набегал ветерок, пытался унести пламя к реке. Уха в котле недовольно ворчала.

Сиреновой тенью проплыла какая-то птица.

«Эх, прозевал...»

Раздался звук, похожий на удары весла по воде, и над нами грозно прошлепала птичья стая.

Я потянулся к ружью.

— Нельзя, нельзя, — ухватил меня за руку Петр Иванович. — Аисты спешат на работу.

— В каждой деревне видели аистов.

— А вот в нашей деревне аисты перестали гнездиться, — с грустинкой промолвил Петр Иванович. — Да, совсем перестали...

— Отчего же?

— Видать, крепко обиделась птица...

— Не может быть!

— Не может быть... — без всякого выражения повторил он за мной, и только теперь я увидел, как стар Петр Иванович. Или от света костра такими глубокими и темными стали резкие морщины под прищуренными померкшими глазами. — Не может быть! — уже тверже сказал он, как бы желая и себя убедить в чем-то, и в упор вглядывался в меня, точно прикидывая: говорить мне или лучше промолчать?

Я отложил на рюкзак ружье и помешал прутиком в костре.

Что-то происходило со старым учителем, отчего мне стало неловко: таким неприлично виноватым и жалким казалось его строгое и мужественное лицо.

— Взаправду было, и не с кем-нибудь, а со мной. — Петр Иванович ткнул себя указательным пальцем в грудь. — С той поры минет скоро пять десятков лет. Помню, пришел я однажды из школы, а дед мой и говорит: «Ну, Петюшка, давай привечать аистов в дом, бают, счастье они приносят». Разыскали мы старое колесо от телеги, присносабили его на крыше дома, положили туда тряпья разного.

Петр Иванович подсоллил уху, зачерпнул ложкой, попробовал, сплюнул в сторону и еще добавил щепотку соли в котел.

— Ось туточки и прилетели в деревню птицы. И к нам пожаловал молодой аист. Важно походил по крыше. Постоял на одной ноге и улетел. Обрато вернулся с подругой своей. Потрогала она клювом тряпки, поскребла ногой по колесу, присела в гнезде, позвала аиста, усадила рядом, и радостно затрещали они клювами.

Наносили они сучков, всякой травы сухой. Снесла аистиха яйца и птенцов выводить села. Аист все увивался возле нее. С дальних болот лягушек приносил жирных. По ночам просыпался часто. В те короткие минуты, когда отлучалась она и он заменял ее, сидел в гнезде тихо и недвижимо.

Петр Иванович подложил сучьев в прогоравший костер. Пламя взметнулось. Вокруг нас ширилось и колыхалось кольцо бледно-зеленой молодой травы.

— Все было бы гарно, если б не я. Возьми как-то да и спроси учительницу, что, мол, будет, если куриное яйцо в гнездо аиста подложить. Пожала она только плечами. Тогда и порешил я сам дознаться. Спугнул птицу и подложил куриное яйцо.

НАВСЕГДА...

Почуяла недоброе аистиха. А не может никак понять, что случилось. Птица считать не умеет, невдомек ей, что стало пять яиц в гнезде. Да и некогда было особо раздумывать: в один из теплых дней, с восходом солнца, появились четыре птенца.

Черные, с длинными шеями и красными носами. И лишь из одного яйца еще много дней никто не хотел появляться. Наконец вылупился беленький, с короткой шеей и маленьким желтым клювом. Он жалобно пищал, словно просил: «Пи-ить, ни-ить!..» Удивилась и огорчилась мать.

Но материнское сердце для всех одинаково.

Отец ходил дутый, косился на мать. Все реже и реже подменял он ее в гнезде. Вместо жирных лягушек и упитанных ужей приносил тощих червей. А один день и совсем не появлялся. Вернулся поздно вечером. Сел на конек крыши соседнего дома да и просидел, как исюкан, до утра. А утром взмахнул крыльями, больно ущипнул аистиху за шею и улетел на ржавое болото. И больше не возвращался.

А потом нагрянули аисты. Они долго кружили над гнездом, поочередно с лету били аистиху крыльями и злобно щелкали клювами. Но она не проронила ни звука и крыльями и телом своим укрывала то маленькое, щупленькое существо, из-за которого ее так ненавидели.

Судьи улетели на дальние болота, где водились жирные и вкусные лягушки. Чтобы подкрепиться самой и накормить птенцов, аистиха направилась на ближнее поле. Там были только тощие черви да мелкие букашки, но она знала, что там она не встретит немого укора подруг и знакомых. А когда возвратилась, неся в клюве длинного розового червя, то «маленького уродца» не оказалось. Долго звала его аистиха, металась вокруг гнезда, все думала: вот-вот отзовется... И вдруг заметила беленький комочек у ребра крыши. Она бросилась туда и, распластав крылья, застыла над ним. Но те четверо живых вытягивали тонкие шеи, раскрывали длинные рты и властно требовали: «Есть хотим, есть!..»

Петр Иванович надолго замолк, взял ложку, снял накипевшую пену с ухи, положил в котел перца и лаврового листа. Он задумчиво глядел на огонь и, казалось, совсем забыл обо мне. Лицо его опять поразило меня своей скорбью.

— От зари до зари трудилась одинокая мать. Много невзгод и волнений пережила, пока дождалась, когда аистята пустились в свой первый полет, неловко растопырив дрожащие ножки и часто-часто взмахивая неокрепшими крылышками. Она учила их летать, добывать пропитание, заставляла подолгу стоять на одной ноге — воспитывала волю и терпение. А когда на полях убрали хлеба, наступили прохладные ночи и зачастили дожди, она стала собирать своих сыновей в дальний путь.

Одним ранним утром показалась облетная стая. Мать проводила своих птенцов в теплые края. Долго глядела она вслед улетевшей стае. И когда скрылась последняя птица, аистиха высоко поднялась в воздух, сделала прощальный круг над гнездом, пронзительно вскрикнула и, сложив крылья, камнем упала вниз, на острое ребро крыши дома, туда, куда выпал из рук моих и где разбился ее несмышлennyи.

Петр Иванович прерывисто вздохнул, в его серых выцветших глазах стояла немая боль.

— С тех пор перестали гнездиться в нашей деревне аисты. Прилетят по весне, посидят на старых гнездовьях, как у могил на кладбище, и улетают к новым поселениям. Помнят обиду. Знать, навсегда улетели, навсегда.

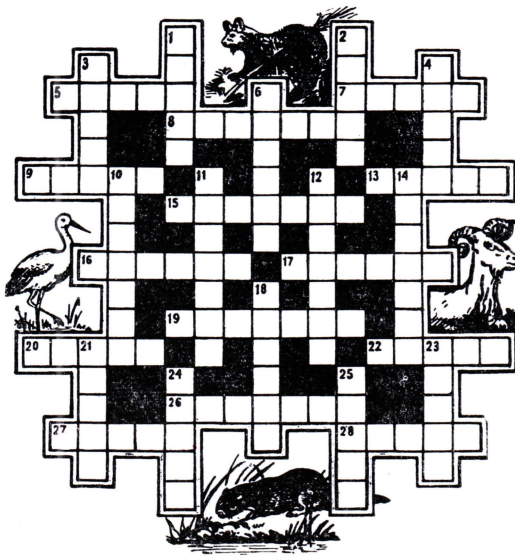
Костер догорал. Оранжево-красные угли отдавали последнее тепло. Крупные хлопья серовато-сизого пепла, как живые, мелко дрожали, извивались, корчились в судорогах и, гонимые потоком горячего воздуха, неохотно, будто раздумывая, уплывали в ночь, к призрачным звездам.

Вокруг была тишина, пропитанная талой свежестью земли.

Рис. Г. Макавеевой

Когда ты отдыхаешь

В этом номере:

Анатолий Членов. Отговорила роща золотая	1
Владимир Степаненко. Омари с горной речки	4
Оказывается...	10
Конкурс «Родник»	12
Лоис Крайслер. Под одной крышей с волками	14
Б. Чащарин. Звезда рубиновых гроздьев	20
«Голубые ракеты» бросили якорь	23
Чарльз Гаггисберг. Тайна кибобо	26
С. Клунов. Застольная кругосветка	29
П. Смолин. Морской змей? Плезизавр?..	32
В. Налепин. Певец Руси	35
Советы, опыты, задания	36
Записки натуралиста	38
Когда ты отдыхаешь	40

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Хищный грызун. 7. Дикая африканская лошадь. 8. Рыба. 9. Пушной зверек. 13. Антилопа, распространенная в Африке. 15. Порода овец. 16. Помесь животных разных пород. 17. Дикая коза. 19. Зубастый кит. 20. Морской пушной зверь. 22. Хищный зверек. 26. Млекопитающее семейства оленей. 27. Крупное животное, питающееся падалью. 28. Обезьяна, обитающая в Центральной и Южной Америке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Порода собак. 2. Птица отряда куриных. 3. Мелкое двукрылое насекомое. 4. Морской орел. 6. Животное из породы грызунов. 10. Самая маленькая птица в мире. 11. Водяная птица с длинным клювом. 12. Пушной зверек семейства куньих. 14. Млекопитающее семейства дельфиновых. 18. Водоплавающая птица отряда веслоногих. 21. Птица отряда чистиков. 23. Осьминог. 24. Животное семейства жирафов. 25. Птица, уничтожающая грызунов.

Составил Александр ЖДАНКО

г. Гвардейск Калининградской области

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД „СОТЫ“, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 9

1. Малина. 2. Мимоза. 3. Разлив. 4. Нарвик. 5. Гранат. 6. Ангола. 7. Кашира. 8. Рябина. 9. Иволга. 10. Лавина. 11. Ананас. 12. Самара. 13. Арарат. 14. Сахара. 15. Арахис. 16. Навага. 17. Кавказ. 18. Нарзан. 19. Гавана. 20. Ангара.

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ. Д 1-15-00
80б.2-03

Главный редактор А. А. Виноградов

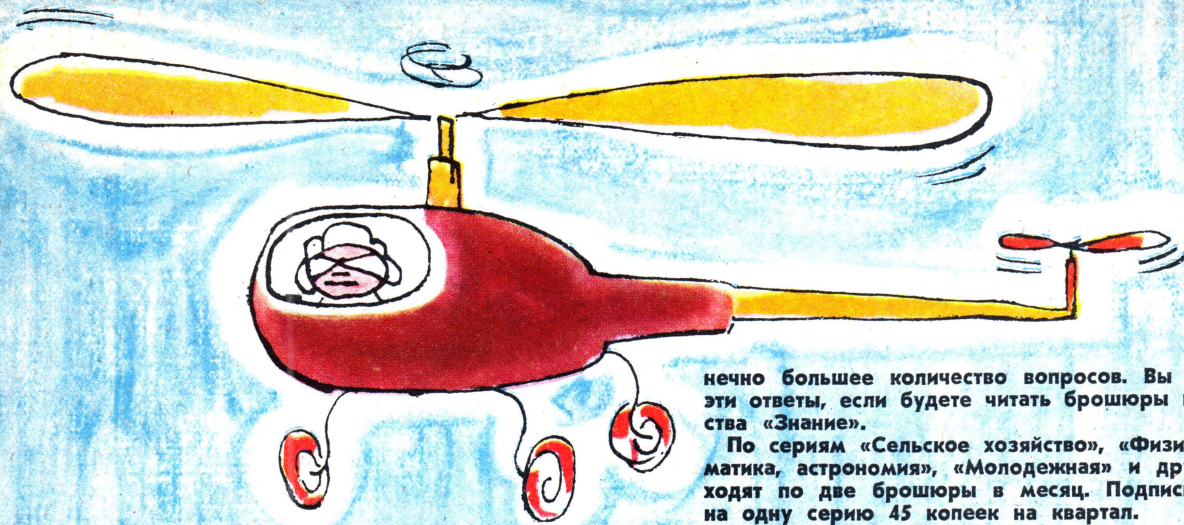
Редколлегия: Андреев В. С. (ответственный секретарь), Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клунов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Шманевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. В. Гусев
Технический редактор В. Н. Сасельева

A10712. Подп. к печ. 28/VIII 1965 г. Бум. 84×108^{1/16}. Печ. л. 2,75 (4,6). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 130 000 экз. Заказ 1560. Цена 20 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» РАССКАЗЫВАЕТ:

Окружающий нас мир полон удивительных явлений природы, растений и животных, великих открытий и тайн.

Как пчелы метят свои трассы в воздухе! А как это делают муравьи на земле! Как ориентируются птицы в своих трансатлантических перелетах!

В Ниле живет «живой радар» — маленькая рыбка, которую называют мормирусом, а в Южной Америке живет электрический угорь с удивительным радиоглазом на хвосте, его «аккумуляторы» развивают напряжение тока до 800 вольт!

Обо всем этом поведала только одна из многих интересных научно-популярных брошюр, объединенных под названием «НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ». Но вас, ребята, интересуют ответы на беско-

нечно большее количество вопросов. Вы получите эти ответы, если будете читать брошюры издательства «Знание».

По сериям «Сельское хозяйство», «Физика, математика, астрономия», «Молодежная» и другим выходят по две брошюры в месяц. Подписная цена на одну серию 45 копеек на квартал.

В серии «Естествознание и религия», например, среди других будет выпущена брошюра, в которой вы прочтете, почему животные и растения так идеально приспособлены к условиям жизни, как это произошло. А в другой брошюре вам расскажут, как ожили для нас ископаемые чудовища, как геологи, палеонтологи и другие ученые прочли огромный архив нашей Земли, который накапливался миллионы лет. А вот еще брошюра — из серии «Биология и медицина». В ней рассказывается о смелых экспериментах по пересадке сердца и легких, почек и конечностей.

На месте тундры зацвел миндаль... голые пустыни покрылись садами... Вы скажете, что это фантазия! Да. Но это возможно. Все это зависит от круговорота энергии и веществ на Земле. Какую роль в этом играют моря и океаны, как человек думает преобразовать природу, вы прочтете в одной из брошюр серии «Наука о Земле».

Очень много интересного можно узнать также из специальной серии брошюр «Народный университет». В ней семь факультетов. Подписная цена на каждый факультет 45 копеек на квартал.

Подписка на все серии и факультеты принимается во всех пунктах подписки «Союзпечати», отделениях связи и общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и организациях. Индексы серий и факультетов в каталоге «Союзпечати» на 1966 год: с 70057 по 70075 и 70090.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

